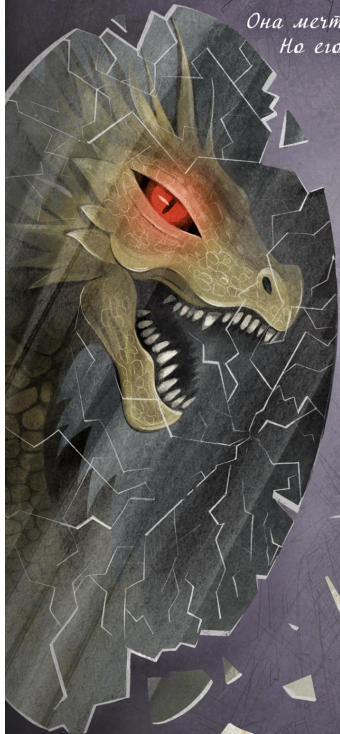

СЕРЕБРЯНЫЕ ОСКОЛКИ

*Она мечтает покончить с прошлым.
Но его осколки способны нанести
слишком глубокие раны...*

Дейзи Вэнити

Дейзи Вэнити

Серебряные осколки

Серия «Очаровательное преступление»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70029751
Серебряные осколки / Дейзи Вэнити: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-196212-8

Аннотация

Англия, 1857 год.

Лучшая шпионка во всем Лондоне Уинифред Бейл и ее возлюбленный, аристократ Теодор Дарлинг, вынуждены... скрываться. Ходят слухи, что они убили мистера Уоррена – самого влиятельного человека в преступном мире Лондона! – и не только унаследовали его империю, но и намереваются прибрать к рукам всю криминальную власть.

Чтобы выманить Уинифред и Теодора, кто-то похищает их бывшего приятеля. Но похитители не знают, что он предал своих друзей и не рассчитывает на спасение. Тем не менее Уинифред и Теодор готовы прийти на помощь, даже если это приключение будет стоить им жизни.

«Существует ли “долго и счастливо”, после того как “зло” повержено? Или все не так просто и у любого поступка есть

последствия? Именно это и предстоит выяснить нашим, уже горячо любимым, героям!

Вторая часть романа вернет нас в прекрасный Лондон, который в этот раз приготовил для Уинифред и ее друзей более суровые испытания, и пройти их смогут не все...» – Марина (@from_neverwhere)

Содержание

Пролог	7
Глава 1	14
Глава 2	45
Глава 3	69
Глава 4	99
Глава 5	131
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Дейзи Вэнити

Серебряные осколки

Si vis pacem, para bellum.

Хочешь мира – готовься к войне (лат.)

Беседуй с ней теперь!

У изголовья снова

Стоит немая тень,

Как в блеске серебра.

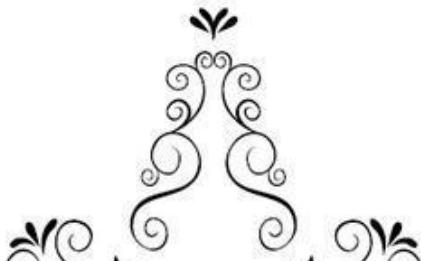
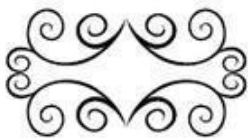
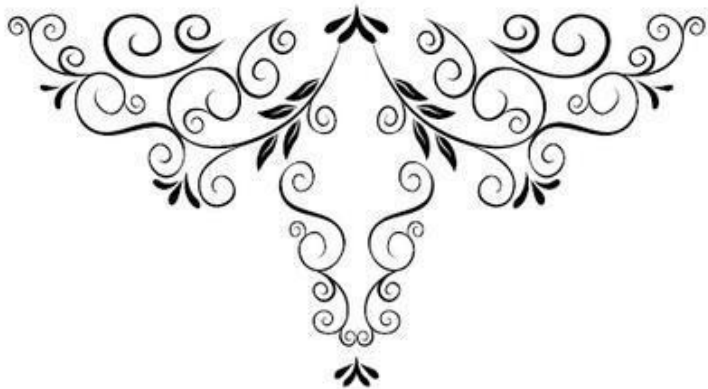
Альфред Теннисон

«Мод» (пер. А. Федорова)

© Вэнити Д., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Лондон, 1857

Вздыхнув, Стеллан пододвинул к себе карты по зеленому сукну ломберного стола. О возвращении домой теперь можно было и не мечтать – он только что выписал соперникам чек на остаток своего годового дохода, а теперь, если проиграт, и вовсе влезет в долги. Эви с ним даже не заговорит.

Стеллан понимал, что должен остановиться. Понимал, что вместе с новенькими соверенами и хрустящими чеками он выкладывает на игральный столик собственные честь и достоинство. Даже выиграв эту партию, поправить свое положение он уже не сумеет, только короткая волна удовольствия от одержанной победы подхлестнет его снова войти в игру. И за то, что азарт всякий раз оказывался сильнее воли, он презирал себя.

Он прекрасно осознавал, что уже давно проиграл. Но невидимая, смутно осязаемая сила заставила его подцепить большим пальцем истрепанные ребра карт и взглянуть на масти на лицевой стороне.

Сердце Стеллана упало. Он со щелчком опустил карты обратно на стол и криво улыбнулся товарищам по игре. Сегодня с ним в задымленном клубе играли трое – лорд Келлингтон и Лоусон с Доджем, раздевшие его до нитки.

– Готовы раскошелиться, друзья? – с легкой улыбкой

спросил Стеллан.

Внутренне он проклинал себя. Дурак! Зачем он только снова взялся за эти проклятые карты! Плохо было то, что он опять спустил все деньги на игры. Еще хуже – то, что эти деньги ему не принадлежали.

Чтобы спрятать болезненное разочарование, он глотнул из стакана плескавшийся на дне коньяк.

Додж взглянул на свои разложенные веером карты и заметил:

– Неужели и тебе наконец улыбнулась удача, Акли? Я-то думал, ты записался в благотворители.

Стеллан скрежетнул зубами.

– Не скалься раньше времени, Додж.

– По-моему, самое время. – Он с деланным равнодушием покосился на карты своего напарника, Лоусона, и перевел взгляд на Келлингтона, который составлял компанию Стеллану. – Хотя, пожалуй, благотворитель среди нас сегодня и правда есть.

Лорд Келлингтон лишь пожал плечами. Он прожигал деньги с уверенной беспечностью, доступной только очень богатым людям. Годовой доход Стеллана был для него всего лишь до нелепости высокой ставкой.

– Я благороден и даю ему возможность отыгаться.

Лоусон усмехнулся, написал что-то мелом на сукне и тут же стер цифры рукавом.

– Надо же Акли на что-то содержать жену.

Они рассмеялись. Не улыбнулся только вечно невозмутимый Келлингтон.

Стеллан тоже выдавил улыбку и опустил голову. Какие же они ничтожества, все до одного. А он сам – хуже всех.

– Как это, «на что-то»? На твои денежки, Лоусон!

За столом снова негромко, но одобрительно прокатился смех. Келлингтон наконец удосужился взглянуть в свои карты – казалось, исход партии ему глубоко безразличен. Играли в трисет – кон делился между выигравшей парой. Но напарник настолько прохладно относился к деньгам, что Стеллан невольно задумался: может, Келлингтон стоворился со своими дружками и проигрывает намеренно, лишь бы насолить ему?

В конце концов, они так и не выиграли ни одной партии. Проиграли и на этот раз. Наблюдая, как Лоусон и Додж что-то подсчитывают, черкая мелом, Стеллан почувствовал облегчение. Наконец-то. Ниже падать попросту некуда.

Келлингтон сидел в кресле, откинув голову и опустив веки. Когда Стеллан встал из-за стола, он приоткрыл один глаз.

– Я рассчитаюсь за тебя, Акли, – негромко сообщил он.

Стеллан покосился на его руки. В манжетах сорочки Келлингтона сверкали новенькие бриллиантовые запонки.

– Будешь должен мне, а не этим болванам.

А Стеллан-то думал, что он уже на самом дне. Теперь он не понимал, чем расплачиваться хуже – деньгами или унижением.

– Спасибо, дружище, – поблагодарил он и отвернулся, чтобы снять с крючка на стене сюртук и спрятать горящее от стыда лицо. – Я все верну.

– Конечно, – рассеянно согласился Келлингтон.

Стеллан надел сюртук и, застегивая его на все пуговицы, повернулся к столу.

– Не останешься на ночь? – спросил Додж. Он старался подражать Келлингтону – спокойному, молчаливому, безразличному ко всему, – но природное любопытство всегда и везде брало над его потугами верх. – Может быть, тебя приютит какая-нибудь милая дамочка?

Проводить ночь в публичном доме у Стеллана не было ни желания, ни средств. Он планировал до рассвета шататься по улицам в опасной близости к Темзе и ее спускам – влажным и скользким от тумана. Будь его воля, он сейчас же вернулся бы домой, хоть никто его там и не ждал. Но сначала нужно было свыкнуться с новой, свежей ненавистью к себе.

Стеллан вспомнил было о доме Тедди на Керзон-стрит – небольшом, полном уюта и света переходивших из одной в другую комнат. Но дом уже два месяца был закрыт, а Тедди наверняка больше не чувствовал к Стеллану ничего, кроме ненависти и презрения.

Поэтому Стеллан уже раскрыл было рот, чтобы с бахвальством подтвердить, что да, именно так он и собирается провести ночь. Но его вдруг прервал Келлингтон:

– Если Акли хочет, чтобы я расплатился за него, он не

станет делать ничего, что расстроило бы его супругу.

Келлингтон глядел на Стеллана с полным равнодушием. Можно было подумать, что в этот самый момент он не ставил ему ультиматум, а буднично сообщал, что на ужин будет подана треска под сливочным соусом. Но зеленые глаза Келлингтона, помутневшие от чудовищной лени, были раскрыты и глядели прямо на него. Сложно поверить, что высеченный из мрамора лорд Келлингтон когда-то сделал Эвелин предложение. Еще сложнее – что он до сих пор беспокоился о ней настолько, чтобы брать Стеллана под уздцы.

Вот только Эви вряд ли хоть сколько-то тронуло бы, что ее супруг с кем-то провел ночь. Она смотрела на него, словно на пустое место, и ничего унизительнее и придумать было нельзя.

– Разумеется, не стану! – с живейшей улыбкой заверил Стеллан. – Прогуляюсь немного и вернусь в клуб. Чудесная сегодня ночка!

Его трясло от ненависти к Келлингтону, от того, как явно тот выражал свое презрение. От того, что Келлингтон теперь имел полное право ему приказывать.

Лоусон перестал бормотать расчеты себе под нос и поднял взгляд с расчерченного мелом ломберного столика на окно, стекла которого пожелтели от табачного дыма. С конца августа в Лондоне стояла ужасная жара, но этим вечером наконец собрались тучи. Черные, толстые, похожие на пропитанные чернилами куски ваты, они грозились с минуты на

минуту обрушиться на город.

– Промокнешь до нитки, – предостерег Лоусон.

– Пустяки.

Стеллан заторопился к выходу, но в последний момент взглянул на Келлингтона. Тот лежал, развалившись в кресле. Ноги были широко расставлены, руки безвольно свешивались с подлокотников, но взгляд его неотступно следовал за Стелланом.

– Я вернусь.

Келлингтон не ответил и снова лениво смежил веки.

Стеллан вышел на улицу. Круглый силуэт луны желтой точкой разрезал тучи. Его повело, и он схватился за каменные перила, вскинув голову и глотая теплый вечерний воздух.

Стеллану не хватало кислорода. Он вцепился в собственное горло, судорожно дергая ленту галстука. В висках издевательски медленно и ритмично, словно намекая, что сердцу нет никакого дела до мыслей, роящихся в голове, стучала кровь.

Кто-то хлопнул Стеллана по плечу, и он, вздрогнув, опустил голову. Рядом стоял незнакомый мужчина.

– Все в порядке, – пробормотал Стеллан и склонился еще ниже.

Перед глазами плясала одна большая желтая точка – луна отпечаталась в глазницах. Он несколько раз медленно моргнул, и точка пропала.

Стеллан разглядел ботинки незнакомца – дешевые, изношенные, заляпанные грязью. Этот человек явно был не из клуба.

Рука на плече Стеллана сжалась, и он сделал первое, что пришло в голову, – полоснул незнакомца галстуком по лицу и ринулся вперед, преодолев ступени крыльца в два прыжка.

Но не успел он спуститься, как наткнулся на кого-то еще. Второй мужчина, поджидавший его у подножия лестницы, грубо толкнул Стеллана грудью. Задышавшись, он попятился, а потом ощутил поясницей острие ножа.

Хлынул дождь, и Стеллан обреченно опустил голову.

Глава 1

Переезды и размолвки

Брайтон, 1857

Местная портниха уверяла, что ткани были доставлены в лавку прямиком из европейских салонов, но в растрепанной кромке Уинифред узнала работу йоркширской текстильной фабрики. Образцы, которые были вывешены впереди, немного выгорели сверху и по краям – наверняка раньше они висели в самом дальнем уголке салона.

Ну и дрянь! Неужели нельзя было раскошелиться на лондонские новинки хотя бы в разгар курортного сезона? Да ни один человек, хоть что-нибудь смыслящий в моде, на это рванье и не взглянет!

– Замечательный муслин! – вслух прошептала она и повернулась к Дарлингу. Тот разглядывал отрез с нелепым узором из стрекоз и бабочек. – Но я совсем недавно купила такой же. Какая жалость.

– Разве? – простодушно переспросил Теодор. – Ты ведь покупала небесно-голубой. Этот гораздо темнее, почти мазарин¹.

Портниха глядела на них с умилением, словно они были парочкой котят в соломенной корзинке.

¹ Темно-синий цвет с фиолетовым оттенком.

Унифред с вымученной улыбкой возразила:

– С моим цветом волос было бы просто глупо носить такие темные оттенки.

Теодор оставался глух к намекам Унифред. Он примерился к образцу ткани за ее спиной и с важным видом кивнул.

– Ты права. Никакой это не мазарин, просто темно-синий. Хотя я совсем не вижу причин отказываться от покупки – по-моему, у тебя уже было платье похожего оттенка, и оно очень тебе шло!

Унифред поджала губы. Почему-то познания Теодора ограничивались женской модой – сам он одевался словно балаганный шут.

– У меня еще остался отрез нужного вам цвета, мэм, – только что привезли из Парижа! – проворковала портниха, пятась к прилавку. – Принесу сию же минуту!

Проводив женщину вежливой улыбкой, Унифред посмотрела на Теодора.

– Я намекаю тебе, что ткани – сущий кошмар! – сердито прошептала она, хоть губы и прыгали от рвущейся улыбки. – Вот, договорился – сейчас она притащит свое древнее тряпье!

– Ты ведь сказала, что муслин замечательный, – так же тихо ответил он. – Я подумал, тебе хочется его купить!

– Вот еще! Да я скорее пошью себе платье из этой дряни! – Она щелкнула ногтем по натянутому отрезу, который

прежде рассматривал Дарлинг. – Она пусть и безвкусная до жути, но хотя бы новая!

– Правда? – просиял он. – Я как раз хотел купить пару ярдов себе на жилет!

– Ни за что на свете! – содрогнулась Уинифред. – Сейчас она принесет свою ткань, мы вежливо откажемся и уйдем. Хорошо?

Теодор вытянулся в струнку и кивнул.

– Понимаю. Ложь во благо.

Уинифред рассмеялась.

Вернувшись, портниха разложила на прилавке отрез фиолетово-синей ткани. Уинифред заметила, что в этот раз у нее на плечах накинута измерительная лента. Неужели она полагает, что они столь же тупы, сколь и юны?

Сделав вид, будто внимательно изучает ткань, Уинифред раскатала отрез на прилавке и с задумчивым видом стала мять его пальцами, оставляя складки и с удовольствием наблюдая, как вытягивается и бледнеет лицо женщины.

– Замечательная ткань, – учтиво произнесла она, наконец наигравшись и отодвинув отрез. – Но, к сожалению, этот цвет мне совершенно не пойдет.

– Уверяю, вам любой цвет к лицу, мэм! – запротестовала портниха.

Уинифред довольно склонила голову, а Теодор задумчиво проговорил:

– Пожалуй, кроме оранжевого. В оранжевом тебя можно

будет спутать с призраком.

– Правда? – сквозь зубы переспросила Уинифред. – Как интересно. Может, у тебя есть еще какие-нибудь замечания касаясь моей внешности?

– Думаю, светло-зеленый тебе тоже не стоит надевать, – поразмыслив, добавил он, не замечая, что Уинифред подбирается ближе, чтобы под подолом своего платья отдавить ему ногу.

Женщина за прилавком раскраснелась и, не отрывая глаз от Дарлинга, принялась поигрывать измерительной лентой. Видимо, потеряв надежду угодить капризной покупательнице, она решила переключиться на ее глуповатого спутника.

– У вас замечательное чувство цвета, сэръ, – с придыханием сказала она, и Теодор ойкнул – Уинифред все-таки наступила ему на ботинок. – Думаете, вашей супруге пойдет мазарин?

– Моей супруге?.. А, моей супруге!

Он залился краской и принялся смущенно водить пальцем по лакированному прилавку. Уинифред опять опустила каблук ему на ногу.

– Ай! Нет, не думаю. Такой оттенок гораздо больше идет рыжеволосым дамам.

– Вот как?

Портниха разочарованно дернула кончик ленты. Уинифред погладила Дарлинга по ноге носком туфли.

– Что ж, может быть, тогда остановитесь на королевском

синем?

– Не стоит, – голосом, полным глубокого разочарования, отозвалась Уинифред. – Думаю, он слишком темный. Меня можно будет спутать с *призраком*.

– Да, не стоит! – живо поддержал ее Дарлинг. – Эти отрезки какие-то старые – посмотрите, как они выгорели по краям! Правда, Винни?

Под взглядом остолбеневшей портнихи Уинифред выволокла Теодора на улицу и расхохоталась, зажимая рукой нос и рот.

– Тедди, а как же ложь во благо? – отсмеявшись, спросила она.

Продев руку Дарлингу под локоть, она повела его прочь от ателье – портниха продолжала пялиться на них через стекло витрины.

Теодор поглядел на Уинифред. В Брайтоне он перестал носить головные уборы и поплатился за это – его нос и уши сначала обгорели и облезли, а затем покрылись бледными веснушками.

– Решил, что ей все-таки захочется узнать правду, – заявил он. – Как иначе она сможет угодить своим клиентам?

Уинифред снова прыснула и похлопала его по руке.

– Умница. Только в этот салон мы больше ни ногой.

Время близилось к обеду, и Стейн была оживлена – по улице прогуливались люди, по столичной привычке отчаянно желавшие показать себя. За это Уинифред ее и ненавиде-

ла, и любила. Модная, чистая и широкая – Стейн изо всех сил пыталась походить на лондонский Гайд-парк, где похвально были всем, чем были богаты: французскими платьями и английскими экипажами, красивыми женами и богатыми мужьями.

Уинифред сбежала из родного города, но место для побега было выбрано неудачное. Осмелевший и расцветший Брайтон не просто так называли «приморским Лондоном». Уинифред не так представляла себе тихую жизнь. Отъезд не смягчил ей память и не принес облегчения, даже раны залечил кое-как. Она давно разучилась жить как обычный человек, а размеренный приморский быт не вызывал у нее ничего, кроме тошноты. Но согласиться в этом с Теодором, чувствующим то же самое, значило признать себя побежденной, ведь тогда выходило, что мечта Уинифред о спокойной жизни была чем-то, что оказалось ей не нужно.

– Утро быстро пролетело! – заметил Теодор. – Вот уж не думал, что в третий раз смотреть на одни и те же ткани может быть так увлекательно.

Развлечений в городе было немного, а поход по магазинам мотивировался скорее светской обязанностью, нежели необходимостью. Для Дарлинга, который не осмеливался открыто ругать хоть что-нибудь, такое высказывание было сродни бунту.

– Больше не станем ходить по лавкам, – уступила она. – В таком случае чем бы ты хотел заняться?

Теодор пожал плечами.

– Может, прогуляемся по парку?

– Мы ведь были там вчера.

– Королевский павильон?

– Позавчера.

– Тогда, возможно, ты хотела бы искупаться? Вода в сентябре...

– Ни за что!

Для того чтобы не подмочить вместе с ногами чувство собственного достоинства, брайтонским купальщицам приходилось облачаться в нелепые шерстяные костюмы и заходить в воду из купальной кареты – жуткой скрипящей повозки, выкатываемой в воду. Спускаясь с нее, Унифред однажды едва не поскользнулась на скользких деревянных ступенях, и только присутствие пяти малознакомых дам помешало ей разразиться проклятиями. Купаться нагишом она отправилась бы с гораздо большей охотой.

Дарлинг улыбнулся. Ему нравилось наблюдать за негодованием Унифред. Сам он прилежно исполнял все указания местных врачей и даже выпивал по утрам стакан морской воды. Правда, при этом он ужасно морщился и кашлял, а стакан с каждым днем выбирал все меньше и меньше.

– Ты совсем как кошка! – поддразнил ее Теодор.

– Не болтай чепухи! Как бы тебе понравилось, если бы кто-то подхватил тебя под руки и с головой окунул в эту грязную лужу?

– Но это ведь и называется купанием, – невинно заметил Дарлинг.

– Клянусь, я снова отдавлю тебе ногу, Теодор!

– Ты снова разговариваешь как моя бабуля Мисси!

– Ну держись!

– Вот, опять!

Уинифред остановилась посреди дороги с твердым намерением пригвоздить ботинок Дарлинга к тротуару, но ее взгляд сам собой остановился на кондитерском магазинчике через дорогу.

Звякнув дверным колокольчиком, из него вышла пожилая, прекрасно одетая пара. Уинифред не видела их раньше, но модный крой дневного платья дамы говорил о том, что приехали они из столицы. Пара о чем-то негромко переговаривалась. Высокий мужчина склонился, внимательно слушая свою спутницу, а потом рассмеялся и выпрямился. Его лицо испещряли глубокие морщины, но когда он улыбался, ему нельзя было дать больше тридцати лет.

– Тедди, посмотри-ка на старичков у кондитерской, – негромко сказала Уинифред и отвернулась, подчеркнуто глядя в противоположную сторону. – Ты, случаем, не знаком с ними?

Дарлинг повертел головой, заметил парочку и радостно заявил:

– Конечно, знаком! Это же леди Освальд с супругом.

Теодор говорил так громко, что на него с изумлением по-

косились прохожие. Он этого не заметил и потащил сопротивляющуюся Унифред вперед.

– Я как-то был у них на званом обеде. До чего замечательная женщина! Пойдем-ка поздороваемся!

Унифред уперлась каблуком в стык плитки и потянула юношу на себя.

– Совсем с ума сошел? – зашипела она. – Как, скажи на милость, ты собрался им меня представить?

Теодор удивленно посмотрел на свою руку, в которую вцепилась Унифред.

– Я что же, не... А. Извини. – Виновато улыбнувшись, он накрыл ее ладонь своей. – Я совсем забыл. Тогда давай подождем, пока они уйдут?

Они юркнули под козырек модного салона. На витрине были выставлены кружевные парасоли и крошечные соломенные шляпки, украшенные искусственными цветами.

– Я думаю, нам пора выбираться из Брайтона, – заметила Унифред, настороженно провожая взглядом фигуры Освальдов в отражении на стекле. – Как я погляжу, в этом году никому не хватило денег на Европу. Что скажешь? Может, поедем в Блэкпул? Или в Скарборо?

Теодор помедлил с ответом, и Унифред догадалась, о чем он думает. При мысли о возобновлении давнего спора ее бросило в жар. Не дожидаясь, пока лондонские знакомые окончательно скроются из вида, она увлекла Дарлинга дальше.

– Может, ты все-таки согласишься поехать в Хэзервуд-хаус? – прямо, но без особой надежды в голосе спросил он.

Уинифред запрокинула голову и стала смотреть на солнце, пока у нее не зажгло в глазах.

– Нет. Лаура только-только перестала кашлять. Ей нужно жить у моря.

– Сельский воздух ничем не хуже морского! – горячо запротестовал Теодор.

Она смежила веки, чувствуя, как повисают слезинки на ресницах.

– Какие же...

– *Теодор!* – с нажимом перебила его Уинифред. – Мы это уже обсуждали.

Во главу их спора всегда была поставлена Лаура, хотя оба знали, что дело вовсе не в ней. Просто Теодор до смерти скупал по своей матери, а Уинифред больше всего на свете боялась встречи с ней.

Его рука напряглась, но в следующее же мгновение снова расслабилась.

– Хорошо, – согласился он. – Блэкпул. Как скажешь.

Уинифред не поднимала головы, но по голосу угадала, что сейчас он упрямо стиснул губы и намерен продолжить разговор. Чуть позже. Она ничего не ответила, но, опасаясь показаться угрюмой, крепче прижалась к Дарлингу.

Ее левая кисть была продета в кольцо его локтя. Уинифред легонько пошевелила пальцами в перчатке и помор-

щилась – средний и указательный стали немного короче и толще, чем раньше. Удар бюваром в ту злополучную ночь, когда они сбежали из Лондона, раздробил ей кости.²

Уинифред оглянулась на аптеку и лишь тогда заметила, что они почти дошли до конца улицы. В Брайтоне состоятельная публика останавливалась в прибрежных отелях, но Уинифред и Дарлинг всеми силами старались избегать скоплений лондонских отдыхающих. Они приехали еще в июне, поэтому им удалось снять отличный дом на Чарльз-стрит, чистенький и светлый.

– Где, говоришь, сегодня пишет Лаура? – спросила она и отстранилась от Теодора.

– На склоне. На том, с которого видно море. Ты пойдешь к ней?

– Да. Хочешь со мной? – предложила Уинифред, зная, что он откажется. После утренней прогулки Теодор всегда садился писать письмо своей матери.

Как она и ожидала, Дарлинг с виноватой улыбкой покачал головой.

– Боюсь, тогда Лаура не устоит перед желанием написать еще один мой портрет. Проводить тебя?

– Не нужно.

Уинифред с улыбкой сжала его пальцы, и Теодор быстро скрылся за поворотом. Когда они шли рука об руку, юноша умерял свой шаг ради ее удобства, но Уинифред всякий раз

² Подробнее события описаны в романе «Лживые зеркала».

забывала об этом.

Она подождала, пока Дарлинг уйдет, и вернулась на улицу. У маленькой застекленной аптеки она повернула направо, прошла через каменную арку, разделявшую плотно сдвинутые дома на Стейн, и остановилась у чисто выбеленного крыльца с коваными перилами. У двери сияла маленькая прямоугольная табличка «Доктор Дж. Т. Ламби».

Молотка не было, и Уинифред постучала костяшками пальцев. На прошлом приеме ей открыли сразу же, но в этот раз пришлось подождать. Наконец послышались быстрые легкие шаги, и дверь открыла молодая женщина в строгом сером платье – жена доктора. Лицо у нее было приятным, но усталым, под глазами пролегли тени.

– Добрый день, мэм. Вы ведь уже бывали у нас, верно? – Не дожидаясь ответа, она шагнула внутрь дома, пропуская Уинифред внутрь. – Миссис Оукс?

– Добрый день. Все верно.

– Доктор сейчас свободен. Пожалуйста, проходите.

Поблагодарив миссис Ламби, Уинифред поднялась по крутой винтовой лестнице. Дом доктора был совсем маленьким: в прихожей они с хозяйкой едва разошлись, а на лестнице ее кринолин с тихими щелчками задевал каждый столбик перил.

Дверь кабинета была приоткрыта. Уинифред постучала по косяку и вошла, набросив на лицо меланхоличное выражение.

Доктор Ламби – подвижный веселый человек лет пятидесяти с забавной круглой проплешиной на подбородке – узнал ее и приветливо улыбнулся. Он встал с кресла, чтобы поприветствовать ее, и Уинифред заметила у него в руках маленькую коричневую коробку, поделенную внутри на несколько секций картонными стенками. В каждой секции находилась стопка карточек, подписанная буквами.

– Добрый день, миссис Оукс. Прошу вас, присаживайтесь.

Он поставил коробку на письменный стол и принялся быстро перебирать ловкими мясистыми пальцами карточки в разделе «О».

Присев в кресло, Уинифред без интереса огляделась. Помимо кресел, в кабинете были только стол, полка с книгами и раздвижная ширма с экраном из китайского расписного шелка.

Найдя ее карточку, доктор Ламби поправил пенсне и сел напротив.

– Как ваша рука?

Уинифред сжала пальцы в кулак. Доктор Ламби был одним из немногих, кто знал о ее травме. Правда, он полагал, что Уинифред по неуклюжести прищемила пальцы в дверном проеме.

– Все еще ноет иногда, – призналась она.

– Это странно... – пробормотал он и надвинул пенсне глубже на переносицу. – Если кости срослись, боли быть не должно. Не возражаете, если я осматрю ее, мэм?

Уинифред только этого и ждала. Торопливо расстегнув пуговицы, она сдернула перчатку и протянула доктору руку. Тот бережно подхватил ее, подушечками касаясь переломанных пальцев с шишкообразными наростами. Уинифред было отвратительно видеть собственную изуродованную кисть, но она не отводила от нее взгляд, настороженно прислушиваясь к дыханию доктора Ламби. Он повертел ее руку так и сяк и наконец отпустил. Уинифред, выжидательно глядя на него, принялась медленно надевать перчатку.

– Все срослось, хоть и... неправильно, мэм, – сказал он и снова потянулся к столу. – Вы принимаете что-то обезболивающее?

– Только лауданум, который вы мне прописали, – соврала она.

– И рука до сих пор болит? – недоверчиво уточнил доктор. Выражение лица Уинифред стало еще более скорбным.

– Да, – выдавила она и прижала руку к груди.

Может, если она проронит слезу, он наконец посоветует ей хоть что-нибудь, помимо опиумной настойки?

– Иногда мне кажется, что эта боль останется со мной навсегда!

Сунув кончик пера в рот, доктор Ламби глубоко задумался, и Уинифред воспрянула духом. Если он пропишет ей солевые ванночки, придется попросить Теодора натаскать ей морской воды. Или, может, существуют особые упражнения для уменьшения наростов?

– Я порекомендовал бы вам увеличить дозу настойки, мэм! – вдруг произнес доктор Ламби таким тоном, будто выступал на собрании Королевского медицинского общества.

Он настроил что-то на листке бумаги, стянутом со стола, и протянул его Унифред. Не скрывая кислого выражения лица, она приняла рецепт.

– Добавляйте в воду по восемь капель трижды в день. По десять, если захотите... – он подмигнул, – немного расслабиться.

– Не знаю, как вас и благодарить, – процедила Унифред.

– Право, не стоит, – скромно произнес доктор. В воображении он уже наверняка наградил себя почетным членством в секции общей медицины. – Прислать вам счет?

Дарлинг сошел бы с ума, однажды утром обнаружив в корреспонденции не известный ему счет от врача. Унифред расстегнула ридикюль.

– Я рассчитаюсь сразу.

На Стейн Унифред прибавила шагу. Это совершенно точно был ее последний визит к доктору Ламби – даже он заподозрил неладное. Да и какой еще совет помимо увеличения дозы лауданума она могла от него получить? К тому же пальцы уже не болели, и Унифред *почти* свыклась с новообретенным уродством.

Позади нее на горизонте висело море – темно-синее в дни непогоды и почти лазурное сегодня, в солнечный день. Впереди – бело-серые, тщательно оштукатуренные дома и зыб-

кий зной.

Ей до смерти осточертел Брайтон. В первый месяц здесь было даже приятно: на городских улочках осел густой морской воздух, люди не кичились собственной добродетелью налево и направо, были дружелюбными и безмятежными. Но все это быстро ей приелось. Уинифред знала, что в шесть утра прислуга в доме напротив распахивает окна и драит крыльцо, запомнила, к какому часу приходит почта, сколько купальщиков высыпает на берег в зависимости от дня недели, почему ярд муарового шелка в городской лавке и как будет причитать перед непогодой миссис Падсли, их соседка.

К счастью, Теодор ни разу не заговорил о продлении аренды, несмотря на медоточивые записочки их квартирной хозяйки. Уинифред знала, что он молчит не потому, что ему тоже наскучил Брайтон, но не возражала – в конце концов, пока они сходились на том, что рано или поздно уедут, остальные разногласия тоже казались решаемыми.

Дойдя до конца улицы, Уинифред повернула не направо, как Дарлинг, а налево, к окраине. Ее привычка ходить пешком в Брайтоне пришлась как нельзя кстати. Она без труда прошла через узкие жилые улочки, пересекла ограждающий город парк и взошла на склон, на вершине которого виднелась маленькая фигурка в раздуваемом ветром коричневом платье.

Лауре, их экономке, которая стала Уинифред доброй подругой, Брайтон пришелся по душе. Она и в Лондоне-то ча-

стенка выбиралась на набережную, чтобы писать с природы воду. Но эту чистую, сияющую морскую гладь невозможно спутать с грязной Темзой, бурой и вялой у городских мостов и истыканной корабельными мачтами на пристанях. Со склона было видно, как по матовому зеркалу моря от горизонта до самого берега треугольником разливается солнце. Там, где вода идет рябью, линии расплываются и вытягиваются, становясь похожими на смазанную желтую краску.

Когда Уинифред наконец поднялась на холм, девочка обратила к ней радостное круглое личико. На Лауру загар ложился охотнее, нежели на Уинифред и Дарлинга, и шел ей гораздо больше. От часов, проведенных на солнце, ее кожа приобрела золотистый оттенок и здоровый вид.

Улыбнувшись, Лаура положила кисть на хлипкий деревянный мольберт. Поверх платья на ней был черный кухонный фартук с пятнами желтой и синей краски.

– Уинифред! Ты пришла посмотреть на море?

– Посмотреть, как ты пишешь, – со слабой улыбкой поправила ее Уинифред. Одного взгляда на морскую гладь ей хватило, чтобы заполучить очередной приступ тошноты. – Чудесная картина!

Привычно смущаясь, Лаура смяла край фартука в пальцах и опустила голову. Она остригла свои жиденькие волосы. Гладкие и короткие, теперь они клиньями падали ей на скулы.

– Я еще не совсем закончила, – призналась она и повер-

нулась к холсту, подхватывая палитру.

С запада на Брайтон надвигались тучи, и Лаура дополняла готовую картину новыми деталями: на море легли белые мазки сияющих волн, а на горизонт – бледное зарево тумана.

– Советую тебе не затягивать, – заметила Уинифред. – Сегодня на Стейн мы едва не столкнулись с леди Освальд.

Лаура вскинула голову.

– Она вас узнала?

– Нет. Но мы решили, что стоит выбрать для отдыха место... менее похожее на Лондон.

– Стало быть, ты согласилась на предложение мистера Дарлинга? – радостно сделала вывод Лаура.

Уинифред отвернулась, обняв себя руками. Отчего все так жаждут встречи с этой мисс Дарлинг?

– Нет. Поедем в Блэкпул.

Девочка молча поводила тоненькой кисточкой по холсту, а потом вдруг отложила ее и запрокинула голову, подставляя щеки солнцу.

– Хочешь попробовать дописать? – предложила она.

– Ты позволишь мне испортить свою картину? – с недоверием спросила Уинифред.

Лаура звонко рассмеялась, прикрыв рот рукой.

– Ты ничего не испортишь, – заверила она и, наскоро обтерев о фартук кисть, протянула ее Уинифред.

Она заняла место, где прежде стояла Лаура, и, поразмыслив, обмакнула кончик кисточки в светло-серую краску.

– Могу я добавить на облако немного теней?

– Конечно... Уинифред...

– Что?

– Извини, но я... слышала, о чем вы с мистером Дарлингом спорили в прошлый раз.

Уинифред стиснула челюсти и принялась бездумно водить кистью вперед-назад. Облако, написанное Лаурой, потяжелело и выпрямилось, приобретя странную форму.

– И что?

– Если ты откладываешь поездку из-за меня и моего здоровья – прошу тебя, не стоит. Рано или поздно тебе придется встретиться с мисс Дарлинг, ведь так?

– Еще как стоит! – огрызнулась Уинифред.

С Лаурой она всегда могла разговаривать по душам, потому что девочка не боялась говорить ей правду в лицо, а любые нападки на себя воспринимала бесстрастно.

– Я боюсь, что в Хартфордшире твой ужасный кашель может вернуться. Восточные ветры куда коварнее, чем ты думаешь.

– Мне приятна твоя забота... но право, не стоит, – мягко возразила Лаура. – Прошу тебя, если это единственная причина...

– Хорошо, не единственная! – вскипела Уинифред и бросила кисть на подставку. – И что же? Вы с Теодором силой затолкаете меня в поезд?

– Разумеется, нет. Но я думаю, что тебе стоит поговорить

об этом с мистером Дарлингом.

Уинифред ощутила прикосновение маленькой руки Лауры к своему плечу. Ее гнев немного поутих – по крайней мере, Лаура не встала на сторону Теодора открыто. Уинифред повернулась к подруге и взяла ее руку в свою.

– Я боюсь, – честно призналась она. – Я знаю, что она меня не одобряет.

– Почему ты так думаешь?

Уинифред хотела было признаться, что знает это из письма Дарлинга к матери, которое она прочла без разрешения, но вместо этого сказала:

– Просто знаю, и все. Кто я вообще такая? Кто я ему? Уж точно не невеста. Теперь я даже не работаю на него.

– Но вы же подписали контракт, – напомнила Лаура. – Разве нет?

– Пускай так. Думаешь, для мисс Дарлинг это будет иметь хоть какое-то значение? Я незамужняя девушка без гроша за душой, которая всюду сопровождает ее сына. Вот и все.

Лаура вздохнула и сунула кисть в карман передника, а потом запустила руки себе за спину, чтобы развязать тесемки. Уинифред подняла с травы мокрую тряпку и аккуратно накрыла ею картину.

– Я не знакома с ней лично, но уверена, что женщина, вырастившая мистера Дарлинга, не может быть похожа на ту, которую ты описываешь, – сказала Лаура. – Кто, если не она, войдет в твое положение?

Кэтрин Дарлинг однажды была обманута мужчиной – отцом Теодора, мистером Уорреном. Конечно, мисс Дарлинг могла положиться на порядочность своего сына, воспитанного безукоризненно. Но могла ли Уинифред рассчитывать на ее благосклонность? Неужели Кэтрин одобрила бы связь своего сына с девушкой, на которой он не собирается жениться?

– Ты действительно думаешь, что она... поймет меня? – с сомнением спросила Уинифред. – Думаешь, она поверит, что мне ничего не нужно от Теодора, кроме него самого?

– Конечно, поверит. Она же его мать. – Лаура помолчала и со смущенной улыбкой добавила: – К тому же, что бы ни произошло, последнее слово всегда останется за мистером Дарлингом, верно?

– Не воображай, будто я в состоянии мериться с ней авторитетами! – проворчала Уинифред.

Лаура ее немного успокоила, но к встрече с матерью Теодора она все еще не была готова.

Вдвоем они быстро собрали вещи и заторопились домой, пока не начался дождь. Уинифред аккуратно, на вытянутых руках, чтобы не заляпать платье, несла холст, накрытый тряпкой, а Лаура взяла в руки коробку с красками и сунула под мышку складной мольберт.

Дома Уинифред опустила картину на пол, развязала ленты шляпки и оставила ее на столике у входа. Корзинка для корреспонденции была пуста.

– Теодор! – позвала она, забрала из рук Лауры мольберт и прошла в гостиную.

Комната была заставлена масляными полотнами. Готовые стопкой стояли у стены, а те, над которыми девочка еще работала, были накрыты влажными тряпками с разноцветными мазками краски. Уинифред хвалила красоту морских пейзажей Лауры, но на самом деле из всех картин ей больше всего нравился портрет Дарлинга. На него ушли почти все запасы черной краски и белил, и сходство было поразительным.

Теодор, улыбаясь, выглянул из кухни. Он снял сюртук, оставшись в одной белой сорочке. К одежде он всегда относился небрежно, словно ребенок. Вот и сейчас на его груди и манжетах красовались яркие пятна.

– Вы уже вернулись! А я приготовил нам вишневый пирог. Хотите попробовать?

Он скрылся в кухне и тут же вернулся, неся тяжелую чугунную форму с пирогом. Выглядела выпечка на удивление сносно: золотистое песочное тесто в потеках темного вишневого сиропа.

Они пообедали прямо в гостиной. Потом Лаура ушла к себе, а Уинифред с Теодором отправились на кухню. Их дом был настолько маленьким, что они отказались от прислуги – Лаура вполне справлялась с их нехитрым бытом самостоятельно, да и сами они не чурались работы.

Теодор, закатав рукава сорочки, с усердием чистил посуду, а Уинифред заваривала травяной чай, к которому успе-

ла пристраститься еще в Лондоне. Она обрывала с засушенных и свежих веточек листочки чабреца, мяты, иван-чая и отправляла их в маленький заварочный чайник.

– Ты куда-то ходила? – поинтересовался Теодор, стряхнув с вымытой тарелки воду.

Унифред, не выказывая удивления, опустила в чайник резной лист Melissa и облизнула влажный палец.

– О чем ты?

– Перед тем, как отправиться к Лауре.

– С чего ты взял, что я куда-то ходила?

Пожав плечами, Дарлинг отложил тарелку и взялся вытирать полотенцем оловянные ложки.

– Просто я подумал, что вас слишком долго не было. Тебе бы наскучило так долго глядеть на море.

Унифред ощутила на языке кислый привкус и сунула листочек в рот. Ей не нравилось врать Теодору или что-то утаивать от него по большей части потому, что она ненавидела то, как своей обезоруживающей откровенностью он заставлял ее чувствовать вину.

– Я ходила к доктору, – наконец спокойно сказала она и отложила веточку.

Лист Melissa горчил на языке, но эта горечь была приятной.

Послышался лязг – Дарлинг уронил ложку и нагнулся, чтобы поднять ее. Отвернувшись к мойке, он глухо спросил:

– Что-то случилось? Тебе нехорошо?

– Нет-нет, что ты. – Унифред потянулась и тронула его рукав. – Просто рука немного беспокоила, только и всего.

Дарлинг повернулся и поймал ее пальцы. Невольно скривившись, Унифред попыталась их высвободить.

– Тебе больно?

– Нет. Просто... мне не нравится, как она выглядит.

– И что? – изумился Теодор.

Унифред вспыхнула и выдернула руку.

– Ничего. Не хочу, чтобы ты на нее смотрел. Не хочу, чтобы ты к ней прикасался.

Юноша снова протянул к ней руку, но Унифред спрятала свою.

– Почему? – спросил он. – Пожалуйста, не злись. Я правда не понимаю.

Унифред скривилась от острой досады на саму себя. Глупо переживать из-за такой мелочи.

– Я всегда была красивой, – выдавила она.

Теодор пальцем стер слезинку с ее щеки.

– Не важно, насколько дрянной я человек, у меня имелось по крайней мере одно достоинство – красота. А теперь...

Она взмахнула изуродованной рукой, и Теодор поймал ее.

– Теперь я лишилась и этого. Это ведь уродство, иначе не назовешь.

– Не понимаю. Ты ведь все еще красива.

– Не безупречно красива. Людям ведь зачастую достаточно одного такого маленького изъяна, чтобы испытать отвращение.

щение.

– Неужели для тебя красота – в безупречности? – с недоумением спросил Дарлинг.

На мгновение Уинифред задумалась. Бывало, ей самой нравились неидеальные вещи, неидеальные люди. Даже у Теодора были изъяны.

– Не всегда, – наконец призналась она. – Просто мне предстоит привыкнуть к тому, что я тоже теперь небезупречна.

Зажмурившись, Дарлинг нежно поцеловал ее перебитые пальцы.

– Невозможно не любить то, что является частью любимого человека, – сказал он. – Может, сейчас тебе в это сложно поверить, но я люблю твои руки, даже если сама ты их ненавидишь.

Уинифред рассмеялась сквозь слезы и наклонилась вперед, чтобы поцеловать Теодора. Его губы были сладко-терпкими от вишни. Юноша, не отпуская руки Уинифред, одной ладонью мягко обхватил ее лицо.

– Я тоже. Я буду любить тебя, даже если ты сам себя возненавидишь, – пообещала она.

Теодор прислонился лбом к ее лбу, часто и тяжело дыша. Его пальцы сильнее сжали ее руку, будто проверяя, действительно ли Уинифред все еще здесь. Уловив этот жест, она прошептала:

– Я никуда не уйду.

Вечерами Уинифред, сняв кринолин, садилась на диван в

гостиной и принималась читать вслух. Книги выбирал Теодор, а читала она медленнее, чем менялись его пожелания, так что ни одну из книг они так и не закончили. Сам Дарлинг пристраивался подле нее на полу. Иногда, когда его клонило в сон, он опускал голову ей на колени, а она рассеянно гладила его по волосам. Так случилось и сегодня. Заметив, что дыхание юноши стало ровным, Унифред отложила «Дон Кихота» на подушки.

Пальцами она принялась перебирать и распутывать его черные пряди и вдруг заметила в них серебряную нить. Затаив дыхание, она разделила пробор, чтобы рассмотреть светлый волос, и увидела еще один, совсем рядом. Издалека могло показаться, что у Дарлинга в волосах запуталась паутина. Ей вспомнился их разговор в лондонской квартирке на Харли-стрит – Дарлинг тогда хвастался, что пошел в мать, у которой волосы до сих пор оставались иссиня-черными. А у самого теперь появились седые волоски на затылке и темени, хотя ему еще не исполнилось и двадцати лет.

Унифред стало горько за него и за его рано утраченную юность. Она обхватила голову Теодора обеими руками и нежно поцеловала в пахнущую мылом макушку. Юноша тут же проснулся и зашевелился.

– Винни?

– Что?

Он сонно моргнул и потянулся вперед, пожимая ее локоть.

– Все в порядке?

На секунду Уинифред заколебалась, рассказывать ли Теодору о найденных у него седых волосах. Их было не так уж много, и разглядеть их в зеркале он не сумел бы. Сообщи она ему, и Дарлинг наверняка бросится скупать всякую дрянь вроде краски для волос, а цилиндр начнет носить даже в собственной спальне.

– Все хорошо, Тедди. Почитать тебе еще?

– Да, пожалуйста.

Он повернулся и положил голову ей на ноги, а она взяла в руки томик. Но не успела Уинифред перелистнуть страницу, как он снова позвал ее:

– Винни?

Ее насторожило то, что Теодор не повернулся к ней лицом.

– Да?

– Мы можем поговорить?

Уинифред захлопнула книгу и хотела было встать, но юноша, не пуская ее, крепче прижался головой к ее ногам.

– Если ты о Хэзервуд-хаусе, то можешь даже не начинать, – отрезала она.

– Прощу тебя! – взмолился Теодор.

Он все еще не оборачивался, хоть и знал, в какое Уинифред приходила раздражение, когда не могла прочесть на его лице каждую мысль.

– Лаура...

– Не пори чушь про Лауру! – рывкнула она, и Дарлинг вжал голову в плечи. – Мы оба прекрасно знаем, что она здесь ни при чем – ты просто хочешь повидаться со своей матерью!

– И что в этом постыдного? – после недолгого молчания тихо спросил Теодор. – Разве не естественна тоска сына по матери?

Закипая, Уинифред в сердцах швырнула книгу на другой конец дивана, и юноша отодвинулся, подобрав под себя длинные ноги. Когда он говорил *так* – с обезоруживающей, печальной искренностью, – Уинифред не находила достойного ответа и чувствовала себя бессердечной дрянью.

– Перестань вести себя так, будто я запрещаю тебе видеться с матерью! Я уже говорила и скажу снова: поезжай, если тебе так уж хочется! Можешь и Лауру с собой забрать!

Уинифред тут же пожалела о своих словах – их с Лаурой сейчас разделяла тонкая комнатная стена, и та наверняка слышала каждое слово. Но Уинифред уже распалилась настолько, что одно только чувство гордости не позволило ей пойти на попятную.

Дарлинг наконец повернулся к ней. В глазах у него блестели слезы, но рот сжался в тонкую линию, которую Уинифред ненавидела. Это выражение напоминало ей о человеке, которого она предпочла бы забыть. Об отце Теодора.

– Ты знаешь, что я не могу тебя оставить, и пользуешься этим, – дрожащим голосом произнес он, не отводя от Уи-

нифред взгляда.

Сложив руки на груди, она отвернулась. У нее горели щеки, и она надеялась, что Теодор этого не замечает.

– Не нужно унижать меня своей жалостью, – колко отозвалась она.

Слова рвались против ее воли. Уинифред понимала, что причиняет Теодору боль, но получала от этого мстительное, тошнотворное удовольствие. Это было еще одним подтверждением ее правоты: как она – жестокая, себялюбивая, – может встретиться с матерью Теодора? Неужели он не понимает, что Кэтрин не сможет ее не возненавидеть?

– Кто я такая, чтобы ты представлял меня своей матери?

Теодор застыл, и Уинифред жаром обдало виски. В это мгновение она прокляла себя до глубины души. Она обещала себе, что никогда не потребует от него больше, чем он может ей дать. Но ей, жадной по натуре, всегда было мало.

– Тедди, послушай... – мягко начала она.

Но Дарлинг уже поднялся на ноги. Теперь он не плакал и не выглядел расстроенным. Скорее... рассерженным. Неудивительно, что Уинифред открывала худшее в нем.

– Нет-нет, ты права, – отрывисто возразил Теодор и вышел из комнаты.

Вскочив с дивана, Уинифред последовала за ним.

– Было глупо с моей стороны надеяться, что ты не откажешь мне в одной простой просьбе.

– Нет, все не так! – возразила она, с тревогой наблюдая,

как в прихожей он накидывает на плечи сюртук.

На мгновение в голове промелькнула мысль: неужели он сейчас же уедет?

– Я просто...

– Тебе не нужно передо мной объясняться, Уинифред.

Она съежилась.

– Куда ты?

– Подышать свежим воздухом. Прошу, ложись спать.

– Тедди!

За Дарлингом захлопнулась дверь, и Уинифред в сердцах вцепилась в собственные волосы. Идиотка! Надо же было ляпнуть такое! Если Уинифред и предлагала Теодору отправиться домой без нее, то всегда таким тоном, чтобы он понимал: она будет в ярости, если он действительно уедет. Потому что, по правде говоря, теперь она понятия не имела, каково жить без Теодора рядом.

Он был прав: она трусила и только поэтому держала его на привязи.

Чтобы Дарлингу стало совестно за свою выходку, Уинифред решила сидеть на полу в прихожей, пока он не вернется. Но в конце концов усталость взяла над ней верх: когда начали слипаться глаза, она вернулась в гостиную, устроилась в уголке дивана и сама не заметила, как задремала.

Из сна ее выдернул стук в дверь. Уинифред вскинула голову, чувствуя, как тянет кожу на лбу – наверняка там отпечаталась тканая решетка диванной обивки. Торопливо вско-

чив, она пошла отпирать. Но зачем Теодор стучит? Разве она стала бы запирасть за ним?

Уинифред распахнула дверь и едва не попятилась. На пороге стояла самая красивая женщина, которую она когда-либо видела: густые волосы, собранные в тяжелый узел, изящное овальное лицо, печальные черные глаза. Незнакомка улыбнулась, и Уинифред узнала ее. Чтобы не покачнуться, она крепко вцепилась в ручку двери.

– Добрый вечер, – поздоровалась Кэтрин Дарлинг. – Прошу прощения за столь поздний и неожиданный визит. Вы, должно быть, мисс Бейл?

Глава 2

Условия и улыбки

– Прошу прощения, я не представилась, – после краткой паузы извинилась Кэтрин.

Голос у нее был грудной, бархатный, под стать внешности. Не верилось, что таким голосом можно кого-то отчитать или кому-то нагрубить.

– Меня зовут...

– Я знаю, – выпалила Уинифред и осеклась, чувствуя, как теплеет лицо.

Нужные слова никак не шли в голову, и она говорила первое, что приходило на ум, – только бы не молчать.

– Прошу прощения. Пожалуйста, проходите, мисс Дарлинг.

Гостья удивленно улыбнулась и шагнула в дом. С собой у нее был только небольшой саквояж из черной кожи, и больше ничего. Должно быть, она не собиралась оставаться у них надолго... если вообще собиралась оставаться.

Может, она следующим же утром увезет Теодора домой.

Кэтрин, не заметив испуга Уинифред, спросила тем же дружелюбным тоном:

– Неужели мы с Тедди так похожи?

– Да, мэм, очень похожи! – заверила ее Уинифред. – Я

сразу же поняла, что это вы. И на портрете... Словом, да.

Кэтрин свела брови и опустила уголки губ. То же выражение недоумения часто появлялось на лице Теодора.

– На портрете? – рассеянно переспросила она.

В их разговоре с самого начала было мало церемонности светской беседы, но сейчас Уинифред почувствовала, что затронула неправильную струну.

– Не думала, что он сохранился. Неужели мои родители от него не избавились?

Давая себе паузу на раздумья, Уинифред повернулась, чтобы закрыть дверь. Какого черта она заговорила про портрет? Наврять теперь Кэтрин или же признаться, что она тайком пробиралась в кабинет ее покойного отца?

– Его сняли вместе с остальными тремя, – наконец туманно ответила она. – Но прислуга за ними все еще приглядывает.

Кэтрин лишь кивнула. Ее хрупкая фигура в темно-сером дорожном платье казалась призраком здесь, в маленькой, пестро отделанной прихожей. Уинифред не покидало ощущение угрозы, как будто мисс Дарлинг в любое мгновение может ласково улыбнуться, потрепать ее по щеке и указать на выход.

За свою робость перед Кэтрин ей стало досадно на саму себя, особенно когда она вспомнила, что причины волноваться были. Как некстати они с Теодором повздорили!

– Значит, даже портрет Генри сняли, – печально отметила

Кэтрин. – Мой милый Генри... Вы знаете, что мне не позволили приехать на его похороны? – Она вскинула на Уинифред глаза.

– Я этого не знала, – осторожно призналась Уинифред, выдерживая взгляд гостьи.

Неужели Кэтрин хочет понять, как много Дарлинг рассказал ей?

– Вы не покидали родового имения с рождения Теодора, мэм?

Несколько мгновений Кэтрин продолжала смотреть сквозь Уинифред, будто не расслышав вопроса, и наконец кивнула.

– Да, это так. Поэтому они погребли Генри в Лондоне, а не в Хэзервуде. Родители сказали, что я могу приехать на похороны брата, но только если отдам им Тедди. Разумеется, я не согласилась. Знаю, что Генри простил бы меня.

Лаура как-то призналась, что молчит, если ей нечего сказать – вот и Уинифред умолкла, ожидая, пока Кэтрин снова заговорит. Наверняка слова утешения из ее уст прозвучали бы заученно и фальшиво.

Кэтрин только переступила с ноги на ногу, слегка всколыхнув подол платья, и Уинифред опомнилась. Держать гостью в прихожей – что за отвратительное впечатление она, должно быть, успела произвести!

– Прошу прощения! – вырвалось у нее. Чувствуя себя нелепой, она протянула руку к дорожной сумке Кэтрин. – Я

редко... Признаться, я никогда раньше не принимала гостей, мэм. Позвольте взять ваши вещи?

Мисс Дарлинг с тем же недоуменным выражением опустила взгляд на свой саквояж и вдруг рассмеялась чистым, глубоким смехом.

– А я вот уже двадцать лет не бывала в гостях ни у кого за пределами графства! Мы стоим друг друга, верно? – Кэтрин сжала губы, будто извиняясь за недавний смех, подхватила ошеломленную Уинифред под локоть и повела ее прочь из прихожей. – Здесь у вас гостиная, милая?

– Да, мэм, – выдавила она.

Кэтрин вплыла в комнату, с любопытством оглядываясь – Уинифред не потушила здесь свет.

– Прошу, присаживайтесь. Могу я предложить вам чаю?

– Чаю? – Гостья опустилась на диван и подняла с подушек томик, приземлившийся на развороте. – Пожалуй, можно. Это Тедди читал?

Уинифред, спешно собиравшая в стопку расставленные тут и там полотна Лауры, похолодела. Она уже предвосхищала следующий вопрос мисс Дарлинг: где же сам Теодор?

– Да, мэм. Мы читали ее вместе, – пробормотала Уинифред. – Простите, я ненадолго отлучусь. Не хочу будить Лауру.

Кэтрин улыбнулась и перелистнула книгу на начало.

– Конечно, мисс Бейл.

– Пожалуйста, зовите меня Уинифред, – выпалила она и,

не давая возможности возразить, бросилась на кухню.

Сердце ее трепыхалось, словно горячее – за месяцы в Брайтоне Уинифред успела отвыкнуть от неожиданностей. Она торопливо зажгла плиту и бухнула на нее чайник. Ожидая, пока вода вскипит, Уинифред уперлась руками по обе стороны мойки и долго рассматривала маленького моллюска, присосавшегося к металлическому кранику. Здесь такие были сплошь и рядом – на травинках и камышах, на домах, на купальных каретах.

Наверняка мисс Дарлинг подумала, что Уинифред дурно воспитанная идиотка. Зря она попросила звать ее по имени. Кэтрин и без того воспринимала ее не слишком-то серьезно, а теперь и вовсе будет держать за пустое место! Или решит, что Уинифред излишне фамильярничает.

А если она узнает, что они с Теодором поссорились? Она разозлится? Погонит Уинифред прочь?

Кровь прилила к лицу, и Уинифред присела на корточки перед плитой, обняв руками колени. Теперь в разгоряченном лице можно будет винить огонь, а не собственный страх. Ее вдруг потянуло коснуться горячей дверцы голыми руками, чтобы унять душевные волнения болью. В самом деле, почему нет? От ожогов ее левая рука ужаснее уже не станет. Уинифред вцепилась пальцами в ткань платья, чтобы не давать им воли. Боль приносила ей быстрое, но краткое облегчение, а она обещала Теодору, что научится справляться со своими эмоциями иным путем. Она обещала ему научиться

превращать свой гнев в оружие. Зажмурившись, Уинифред представила, как хватает полный кипяток чайник и швыряет его на пол. Затем – как сдирает с окна ситцевые занавески, как разбивает вдребезги оконное стекло и как переворачивает посудный шкаф.

Когда зуд в пальцах немного унялся, Уинифред раскрыла глаза и глубоко вдохнула. На плите шипела вода, капавшая из носика чайника.

Уинифред разлила по чашкам чай и, на удивление ловко управляясь с подносом, прошла в гостиную. Кэтрин успела прочесть внушительное количество страниц. Сколько именно, Уинифред не разглядела – гостыя захлопнула книгу и подняла голову. Все это напоминало обыкновенный чайный визит старой знакомой с той лишь разницей, что за окном было темно, хоть глаз выколи.

Дарлинг все не возвращался. Может, он заблудился? Или набрел на какой-нибудь пруд и теперь разглядывает улиток в свете луны?

– Благодарю вас, Уинифред. Чай выглядит превосходно, – произнесла Кэтрин.

У Уинифред немного отлегло от сердца. Кажется, мисс Дарлинг не придавала особого значения ее словам. Или скрыла это так умело, что даже она ничего не заметила.

– Благодарю, – выдавила Уинифред, тупо глядя в свою чашку, на дне которой лениво кружились длинные тонкие чайники. Она чувствовала, что не сможет сделать и глоточка.

Отпив, Кэтрин поставила чашку на блюдце и подняла на нее спокойные темные глаза.

– Унифред, мой сын – самое дорогое, что у меня есть, – без обиняков призналась она.

Перед Кэтрин не было нужды прикидываться бесстрастной – она этого не оценила бы и вряд ли бы поверила. Унифред сглотнула и постаралась представить, будто перед ней сидит Теодор. Будто ей не приходится ежесекундно размышлять, какое выражение лица на себя нацепить. Она стиснула ткань платья и посмотрела на женщину.

– Как и у меня, мэм.

Кэтрин улыбнулась. У Теодора был такой же тонкий прямой рот, как у нее, но улыбки были разными. Даже когда мисс Дарлинг улыбалась, лицо ее сохраняло печать смиренной, иконописной грусти – это выражение Унифред подметила еще на портрете, найденном в Большом кабинете.

– Я люблю его больше, чем саму себя, – сказала Кэтрин.

Если бы это сказал любой другой человек, в его словах Унифред уловила бы плохо завуалированный намек. Но эта женщина не стала бы обвинять ее в эгоизме.

– Как и я, – твердо ответила она. – Мисс Дарлинг, вы не хуже меня знаете, что Теодор не столь наивен, сколь кажется. Я не прошу вас довериться мне. Но, возможно, вы сможете довериться суждению своего сына?

– Мне бы хотелось составить о вас собственное мнение, – возразила Кэтрин. – Но я точно знаю, что Тедди редко оши-

бается в людях. Если он полюбил вас, значит, вы этого заслуживаете.

К горлу Уинифред подступил ком. Это была одна из немногих вещей, в которых она до сих пор сомневалась – заслуживает ли она любви такого человека, как Теодор? Если да, то чем, черт возьми, она ее заслужила?

– Вы слишком добры ко мне, мэм, – пробормотала Уинифред.

Эти слова она произносила бесчисленное количество раз, но впервые почувствовала, что не лукавит.

– Вовсе нет. Мне очень нравится то, с какой смелостью вы воспитываете саму себя. Поверьте мне, это очень заметно.

Кэтрин поставила чашку на столик и сложила на коленях руки. Уинифред догадалась, что за этим последует, и до боли в пальцах стиснула резную ручку чашки.

– Скажите, могу я увидеть Теодора? – мягко спросила она.

Чтобы голос не сорвался, Уинифред машинально применила старый трюк. Вдохнула побольше воздуха и разом, на выдохе, проговорила:

– К сожалению, его сейчас нет, мэм, он вышел прогуляться.

– Так поздно? – Мисс Дарлинг растерянно свела брови. – Что ж... По крайней мере, он сказал, когда вернется?

– Нет, мэм.

Уинифред снова набрала воздуха, но на этот раз голос прозвучал тонко:

– По правде говоря, мы с ним немного повздорили.
Кэтрин слегка улыбнулась и поднесла ко рту чашку.

– Вот как? Что мой негодник натворил в этот раз?

Значит, она совсем не сердится на Уинифред? Впрочем... судя по тону, она и Теодора-то журит скорее в шутку. В том, как Кэтрин произнесла «мой негодник», было столько искренней материнской любви, что Уинифред даже растерялась.

– Почему вы думаете, что он виноват в нашей ссоре? – спросила она и сама не заметила, как подпустила в голос вызов. – Это моя вина.

– Я всегда учила Тедди, что в ссоре стоит винить обоих. – Кэтрин пожала плечами. – К тому же, зачем вы упомянули о размолвке, если не хотели, чтобы я приняла вашу сторону?

Уинифред снова обнаружила, что не находит слов. В рассудительной ласке мисс Дарлинг была та же простая искренность, что и в Теодоре, и Уинифред почувствовала себя не просто обезоруженной – раздетой донага.

Может, в этом и был секрет? Может, для того, чтобы перестать чувствовать себя виноватой, ей всего лишь нужно было сказать правду?

– Нет, это я его обидела, – торопливо, чтобы не струсить, отозвалась Уинифред. – Потому что он хотел вернуться домой к... – она подавилась словом, – к вам. А я боялась встречи с вами.

Кэтрин совсем не выглядела обезоруженной. Она даже не

удивилась. Только улыбнулась и потянулась к столику, чтобы пальцами отломить кусочек приготовленного Лаурой тминного кекса.

– Вы боялись встречи со мной? Почему же?

– Потому что я не подхожу ему.

Теперь мисс Дарлинг действительно удивилась.

– Не подходите Тедди? Это он так сказал?

– Конечно же нет! Но я уверена, что он это понимает, мэм.

– Уверена, что нет, – насмешливо заверила ее Кэтрин. – И я не понимаю. Если вы так боитесь моего неодобрения, на что же вы тогда рассчитываете?

На этот вопрос у Уинифред был давно готов ответ.

– На все, что угодно. Просто... позвольте мне оставаться рядом с ним. Прошу вас. На любых условиях.

Кэтрин помрачнела. Она опустила отломленный кусочек кекса на блюдце и отряхнула пальцы. Жест был совсем не возвышенный, но в ее исполнении казался утонченным, изящным.

– Мы все получаем то, чего, как нам кажется, заслуживаем, – медленно произнесла она. – Вам кажется, что вы не заслуживаете Теодора, поэтому вы боитесь требовать, боитесь просить. Я сама совершала ту же ошибку когда-то. – Она грустно посмотрела на девушку. – Нам всегда кажется, что если мы просим чего-то – в нашем случае того, чтобы нашу любовь признали важной, нужной, – мы вынуждаем любимых пойти на отчаянный шаг. В действительности же мы

просто... выбираем условия, на которых нашу любовь наконец признают. Без этих условий нами можно помыкать как угодно.

– Когда вы говорите «мы», вы имеете в виду...

– Женщин. И вас, и меня. Не думайте, что я всегда встаю на сторону Тедди только потому, что он мой сын. Если бы он позволил себе бесчестно с вами обойтись, я бы отсеклась от всего, что нас связывает.

Уинифред захлестнуло облегчение. Все-таки Лаура оказалась права – Теодора не могла воспитать другая женщина. На миг Уинифред даже ощутила к нему зависть – хотелось бы и ей иметь такую мать, как Кэтрин.

– Что же мне делать? – прошептала она, опасаясь взглянуть на мисс Дарлинг.

– Уверена, вы, как никто, способны принять решение самостоятельно.

Потянувшись вперед, Кэтрин накрыла своей ладонью изувеченные пальцы Уинифред. У нее были худые руки с тонкими теплыми пальцами – самые обычные женские руки, но от одного их ласкового прикосновения на глаза Уинифред навернулись слезы.

– Но могу дать вам совет, – продолжала Кэтрин. – Не бойтесь говорить о том, чего вам хочется. Пока вы молчите, вами способен воспользоваться любой. Не позволяйте никому использовать вас, даже моему сыну.

Уинифред сглотнула. Конечно, мисс Дарлинг права, но

облечь желание в слова – сложно.

– Я хочу никогда не расставаться с ним, – помедлив, сказала Уинифред.

Кэтрин с будничной улыбкой похлопала ее по руке и вновь занялась кексом.

– Тогда скажите ему об этом, – посоветовала она.

– Я боюсь. Мне кажется, я требую слишком многого.

– А это уже не вам решать. Позвольте ему об этом судить.

Поверьте, ему полезно время от времени брать на себя ответственность.

Уинифред приснула и тут же умолкла, ошеломленная собственным смехом. Она и не заметила, в какой момент страх ушел, оставив чувство растерянности – неужели Кэтрин Дарлинг и ее сумела очаровать? Спокойная, рассудительная, но в то же время до странного покладистая и смешливая – она отличалась от той женщины, какой воображение рисовало ей мать Теодора.

Гостья заметила смущение Уинифред. Уголки ее губ дрогнули, но она тут же опустила голову. Кэтрин все время пыталась занять чем-нибудь руки – книгой, чашкой, кексом. Сейчас она сцепила кисти в замок, но пальцы продолжали беспокойно напрягаться и расслабляться.

– Он очень скучает по вам, – призналась Уинифред. – Извините, что я... держала его...

Кэтрин беззвучно рассмеялась. Ее черные глаза заблестели.

– Уинифред, поверьте! Тедди нельзя удержать, если он чего-то действительно хочет.

В прихожей тихо открылась и закрылась дверь – вошедший не хотел потревожить спящих в доме. Уинифред слышала шорох снимаемой одежды, дыхание, шаги. Кэтрин поднялась с дивана и со взволнованной улыбкой дала ей знак молчать.

Щурясь на свет и прикрывая глаза тыльной стороной ладони, Теодор вошел в гостиную. В другой руке он держал букетик полевых цветов – красные смолевки, маргаритки, резеда.

– Винни, ты еще не спишь? – негромко позвал он.

Признаки примирения были налицо, и Уинифред выдохнула с облегчением.

Она не ответила, и тогда Дарлинг в недоумении отнял от лица руку. Несколько мгновений он подслеповато глядел на женский силуэт, замерший посреди комнаты, а затем с радостным вскриком бросился к своей матери.

Сцена воссоединения была очень личной, и в то же время Уинифред испытывала удовольствие от того, что стала ее свидетелем. Кэтрин распахнула сыну объятия, лицо ее лучилось счастьем. В этот миг мисс Дарлинг была безоговорочно прекрасна, Уинифред подумала о том, что для нее красота могла оказаться скорее бременем, нежели даром. Теодор рухнул в руки матери, казавшейся крошечной рядом с сыном. Чтобы обхватить ее, ему пришлось согнуться в три по-

гибели. Головой он ткнулся в ее плечо. Кэтрин рассмеялась и взъерошила его черные локоны.

– Куда это ты ходил? – с укоризной поддразнила она, поцеловала сына в макушку и обеими руками обхватила его лицо, заставляя поднять голову и посмотреть на себя. – Как гадко с твоей стороны было оставить девушек совсем одних!

Лицо Теодора тоже светилось улыбкой. Сейчас они с мисс Дарлинг казались Унифред неземными существами: похожими друг на друга как две капли воды, прекрасными, полными любви и счастья. Она не удивилась бы, заметив над их головами нимбы.

Теодор обратил сияющее лицо к Унифред.

– Винни! – Он оторвался от матери и, опустившись на пол у дивана, протянул Унифред букетик. – Пожалуйста, прости меня.

Присутствие Кэтрин смущало Унифред, пускай Дарлингу и было все равно. Но, принимая цветы, она задержала руку на его пальцах.

– Это ты меня прости, – очень тихо ответила она, стараясь смотреть только на Теодора. – Я иду спать. Поговорим завтра, идет?

Она перевела взгляд на Кэтрин. Та тактично отвернулась, рассматривая картину над камином, и Унифред украдкой поцеловала Теодора в щеку.

– Идет, – розовея, согласился он.

Унифред встала, и Дарлинг поднялся следом.

– Я ужасно вымотана, – громко сказала она, давая Кэтрин понять, что их с Теодором разговор окончен и теперь наступила ее очередь дать Дарлингам немного приватности. – Надеюсь, вы не станете возражать, если я отправлюсь в постель, МЭМ.

– Разумеется, нет, милая. – Кэтрин послала Уинифред ласковую улыбку. – Доброй ночи.

– Крепких снов, – добавил Теодор.

Он вновь оказался рядом с матерью и теперь почти повис у нее на локте, словно ребенок. Кэтрин с деланным негодованием отцепляла его пальцы от своей руки.

Поблагодарив их, Уинифред скрылась в коридоре, прикрыв за собой дверь. После недолгой паузы послышались взволнованные голоса. Чтобы случайно не подслушать разговор, Уинифред поспешила уйти.

Но прежде чем отправиться к себе, она задержалась у комнаты Лауры. Девочке досталась самая большая из трех спален. Это была единственная комната в доме, окна которой выходили не на улицу, а во внутренний двор. Из них открывался чудесный вид на отцветший яблоневый сад, а воздух был свежее и чище.

Час был поздний, наверняка Лаура уже спала. Но Уинифред все равно тихонько постучала в дверь и тут же услышала ответ:

– Заходи.

Уинифред вошла в комнату и осторожно прикрыла дверь,

чтобы не потревожить беседовавших в гостиной Дарлинггов. Здесь она могла различить их голоса – наверняка и Лаура ранее прекрасно слышала их с Теодором спор.

Лаура села в постели, подтянув к груди одеяло. Она не завивала волосы и не убирала их в ночной чепец, и сейчас они черным овалом очертили ее лицо.

– Извини, если разбудила. – Уинифред прислонилась спиной к двери, пряча руки. – Я хотела попросить прощения.

Девочка отвела взгляд. Уинифред давно заметила: когда Лаура хочет избежать конфликта или сложного разговора, она всегда становится флегматичной и покорной, будто заранее признавая себя проигравшей в споре.

– Тебе не за что извиняться.

– Нет, есть, – упрямо возразила Уинифред. – Я не знаю, что ты слышала, но я сказала это в сердцах. Я была... очень зла и напугана. Ты здесь совершенно ни при чем.

– Пожалуйста, не нужно, – попросила Лаура.

Она не стала отрицать, что слышала их с Теодором разговор.

– Ну уж нет. – Присев на постель подле подруги, Уинифред крепко сжала ее теплую руку. – Я пытаюсь быть честной с тобой, пытаюсь научиться признавать свои ошибки – видит бог, их немало. Пожалуйста, будь тоже честной. Скажи, если я тебя задела.

Рука Лауры была вялой, но она хотя бы ее не отняла.

– Хорошо, – согласилась она. – Ты извиняешься за свои

слова или за то, что я их слышала?

– Конечно, за слова. Мне не стоило говорить так, будто мне все равно, что с тобой будет.

– А разве это не так? – Лаура склонила голову набок, как птичка. – Я полагала, что являюсь для тебя чем-то вроде до-веска к мистеру Дарлингу. Не чувствуй себя виноватой за это, – добавила она, – я все-таки прислуга.

– Какое это имеет значение, если ты моя подруга? – сердито возразила Уинифред и понизила голос, когда Лаура шикнула, указывая на дверь. – Наниматель, прислуга – это просто чушь. Важно то, что если бы Теодор вернулся домой, я ни за что не отпустила бы тебя с ним.

– Даже если я очень хотела бы поехать?

Ее пальцы обхватили руку Уинифред в ответ.

– Тем более. Поверь, я бы очень рассердилась, если бы ты променяла меня на Дарлинга.

– Это ведь он платит мне, – улыбнулась Лаура.

– Не говоря уже о том, что он позирует для портретов, – с притворным раздражением подтвердила Уинифред.

Девочка тихо рассмеялась.

– Так ты прощаешь меня?

Лаура отняла руку, потянулась к Уинифред и неуверенно обняла ее за плечи.

– Конечно, прощаю, – неразборчиво пробормотала она, явно чувствуя смущение за то, что принимала чьи-то извинения.

Уинифред крепко обняла девочку в ответ, и та пискнула от неожиданности.

У Лауры была худенькая спина, на которой можно пересчитать каждый позвонок. Хрупкие плечи, выступающие ключицы... Действительно ли ей пойдет на пользу жизнь в поместье?

– Ты правда не хочешь, чтобы я ехала с мистером Дарлингом? – тихо спросила Лаура.

Уинифред погладила ее по коротким гладким волосам. Лаура в ее руках казалась китайской куклой с сеткой трещин на фарфоровой коже, однажды склеенной и теперь слишком хрупкой для игр.

– Нет. Просто я должна убедиться, что не принимаю тебя как должное.

* * *

Битва за сердце Лауры была проиграна следующим же утром. Момент ее знакомства с мисс Дарлинг Уинифред упустила, но, спустившись к завтраку, обнаружила, что девочка взирает на Кэтрин, словно на восьмое чудо света в скучном платье.

Все трое расселись в гостиной за маленьким овальным столом, накрытым белой чайной скатертью (Уинифред ни разу не видела, чтобы ее вынимали из шкафа с бельем). На столе был расставлен начищенный серебряный сервиз – два

чайника, подставки для яиц, сливочник, сахарница, большие круглые блюда, – а в пальцах мисс Дарлинг Уинифред заметила белую с золотом чашку из фарфора, напоминающего бумагу – тонкого, почти прозрачного. Где, черт возьми, они все это достали?

Нога Лауры под столом часто-часто подпрыгивала от волнения, будто девочка в любой момент была готова вскочить и выполнить любую прихоть мисс Дарлинг.

– Мисс Лун, не могли бы вы подать мне заварочный чайник?

Лаура немедленно вспорхнула с места.

– Конечно, мисс Дарлинг! Пожалуйста, возьмите! Могу я предложить вам тост?

– Нет, благодарю. Тедди, будешь яйцо?

– Спасибо, с удовольствием. Лаура, кофе еще остался?

– Да, мистер Дарлинг. Налить вам?

Уинифред слушала их щебетание почти с отвращением. Обычно их завтраки проходили в гораздо менее формальной обстановке. Никто не заботился о скатертях, парадной посуде и вежливом обращении за столом. Почему это Теодор и Лаура так лебезят перед мисс Дарлинг? Неужели так обычно и проходят трапезы в Хэзервуд-хаусе?

Завидев Уинифред, Теодор с улыбкой пожелал ей доброго утра, хотя в другое время вскочил бы из-за стола или принялся махать ей ножом для масла. Не скрывая угрюмого настроения, Уинифред села на свободное место и подтянула

ближе полупустую тарелку с тостами.

У нее было чувство, будто все условились играть в какую-то игру, а ей не сообщили правила. Быть может, это их последний завтрак вместе, а эти восторженные дураки превратили его в сущий балаган!

– Доброе утро, Унифред! – поприветствовала ее Кэтрин. Она ловко опорожнила чайники с заваркой и кипятком в одну из новеньких чашек и пододвинула ее к Унифред. – Угощайтесь. Отличный молодой хайсон³, всего по тридцать шиллингов за фунт.

– Благодарю, – пробормотала девушка и мельком взглянула на Дарлинга.

Тот с королевским спокойствием пил чай. Еще немного, и заведет разговор о погоде.

Унифред очень хотелось по-детски пожаловаться Кэтрин на их с Лаурой притворство, но так она только выставила бы себя на посмешище. Ей оставалось только лишь подыграть, и она взяла свою чашку.

– Тедди, ты уже собрал вещи? – спросила Кэтрин таким тоном, будто это давно уже было обговорено и само собой разумелось.

Такого исхода завтрака Унифред и ожидала, но все равно у нее неприятно заныло в груди. Сколько она теперь его не увидит?

Дарлинг уставился на Лауру.

³ Сорт китайского зеленого чая.

– Еще нет.

– На мисс Лун даже глядеть не смей! – нахмурилась его мать. – У нее и своих забот полно. Верно я говорю, милая?

Покраснев, Лаура пробормотала что-то себе под нос. Кэтрин, настоящая мать семейства, удовлетворенно склонила голову и повернулась к Уинифред.

– А вы? Надеюсь, у вас не очень много вещей? Нам ведь еще везти с собой картины мисс Лун, а перекладывать багаж с поезда на экипаж... Ох, не люблю я путешествия! Столько мороки, вы согласны?

Уинифред поперхнулась чаем и торопливо глотнула еще, чтобы окончательно не раскашляться. Теодор ехидно заметил:

– Я бы на это не рассчитывал. Она столько платьев накупила, что их придется везти в отдельном вагоне!

Несмотря на шуточный тон, юноша внимательно следил за ней поверх чашки. Если бы Уинифред сейчас согласилась поехать, то выходило бы, что только его просьбы она ни во что не ставит.

– Я не могу поехать с вами, мэм, – попробовала возразить Уинифред, плохо понимая, зачем упирается.

Если даже Кэтрин не видит в визите Уинифред ничего предосудительного, почему бы ей не отправиться с ними? Должно быть, Уинифред снова трусила, но все происходило так стремительно, что она даже не успела понять, чего боится на этот раз.

– Почему? – спокойно поинтересовалась Кэтрин. – У вас какие-то неотложные дела в Брайтоне?

– Да, очень много дел. Мы не разобрались с хозяйкой квартиры. К тому же мы все еще ждем заказ из салона.

Кэтрин хотела что-то добавить, но Теодор вдруг встал из-за стола. Лаура покосилась на измазанный маслом нож, который он бросил на скатерть, и вздохнула.

– Винни, можно тебя на минутку? – громко спросил он.

Уинифред положила смятую салфетку на стол и поднялась. Не отводя взгляд от Теодора, Кэтрин еле заметно качнула головой, но он не смотрел на мать.

Не закрывая дверь, они прошли в кухню – единственную в доме комнату, стены которой были достаточно толстыми, чтобы не пропускать звук. Входя, Теодор склонился под низкой притолокой и тут же задел волосами подвешенный к потолку пучок чабреца. Зрелище было забавным, и Уинифред рассмеялась бы, не будь она так зла на себя за трусость.

Как же он должен понять, чего ей хочется, если она не говорит ему об этом? Или – еще хуже – говорит совершенно обратное?

– В чем дело? – мягко спросил он, стряхивая с головы приставшие листочки. – Почему ты отказываешься на этот раз?

– Тедди, как я могу поехать?

– Почему нет? Разве ты не хочешь?

Каким-то образом он наткнулся на единственное слово,

которого она желала избежать в разговоре. Уинифред хотелось так много, что она не заслуживала вообще ничего.

Она помотала головой, и Дарлинг сглотнул, расценив ее жест как отказ.

– Тогда... прошу, скажи, чего тебе хотелось бы.

Уинифред опустила голову и набрала побольше воздуха. Ей оставалось лишь надеяться, что Кэтрин права, и...

– Я боюсь, – выпалила она. – Конечно, я очень хочу поехать с тобой, просто не уверена, что имею на это право. Но я хочу увидеть твой дом, твою бабулю Мисси и поближе узнать мисс Дарлинг. Не оставлять Лауру... и тебя. Никогда не хочу оставлять тебя.

Договорив, она упрямо вскинула подбородок, и Теодор положил руки ей на плечи. Рядом с матерью он вдруг разом стал серьезнее и старше, как будто ее присутствие накладывает на него некую ответственность. Уинифред любила его и таким тоже – надежным, чутким, заботливым. Она будто видела перед собой тень мужчины, которым он когда-нибудь станет.

– Тогда давай в этот раз не станем спорить? Потому что в этот раз наши желания полностью совпадают. Пожалуйста, позволь мне отвезти тебя домой.

Его руки скользнули от плеч к пальцам, и она почувствовала в теле приятную слабость. Как будто после долгого-долгого бега ей разрешили присесть.

Дарлинг был единственным, кому Уинифред позволила

бы воспользоваться собой, и только потому, что он никогда не воспользовался бы. Вместо этого он пользовался правом видеть ее слабой.

Он наклонился, и Уинифред бросилась ему на шею и ткнулась носом в теплую кожу над воротником. Как и всегда, Теодор сладко пах цветами.

– Пожалуйста, отвези меня домой, – дрожащим от облегчения голосом пробормотала она.

Глава 3

Дары и прощения

Дрогнув, экипаж остановился, и Уинифред с Лаурой переглянулись. На коленях они держали по шляпной коробке, а в ногах стояли огромный чемодан с обитыми свинцом углами и связка картин в хрустящей коричневой бумаге. Будь это почтовая карета, им ни за что не позволили бы взять с собой столько багажа, но на вокзале их встретил кучер Дарлингв, нагрузивший вещи даже на козлы экипажа.

Кэтрин высунула голову в окно.

– На секунду, Мэттью, – попросила она.

Теодор оставил коробку на сиденье и выбрался на улицу.

– Какая-то поломка? – робко спросила Лаура.

Она настояла на том, чтобы надеть в дорогу капор, и шея у нее была влажной от завязанного под подбородком атласного банта.

– Нет, милая. Осторожнее с дорожной пылью, – предупредила Кэтрин и, подобрав полы платья, спрыгнула на дорогу.

Приняв руку Теодора, Уинифред тоже спустилась вниз, внимая предупреждению и стараясь не запачкаться.

– Не беспокойтесь, ближе к дому будет не так грязно.

– Ближе к дому? – переспросила Уинифред и огляделась.

Они остановились посреди дороги. Если бы навстречу

ехал другой экипаж, ему пришлось бы либо объезжать их через лес, либо сигать с обрыва. Кучер Мэттью без любопытства поглядывал на них, время от времени наклоняясь вперед, чтобы успокоить лошадей.

– В таком случае зачем мы здесь?

Подобрав юбки так высоко, что стала видна бархатная оторочка ботинок, Кэтрин зашагала к краю дороги на склоне. Уинифред и Лаура с одинаковым недоумением поглядели на Теодора, но тот лишь с лукавой улыбкой пожал плечами.

– Сами увидите.

Мисс Дарлинг остановилась у края дороги и замахала рукой. В отличие от Лауры, она сняла шляпку еще на станции, и сейчас ветер трепал ее густые черные волосы, свободные от сетки. Гибкая и стройная, она напомнила Уинифред одну из мифических дев, обращенных богами в дерево.

Сухой глиняный грунт прилипал к туфлям при каждом шаге, и Уинифред начала понимать, почему Кэтрин выбрала для поездки строгое серое платье. Дорога проходила по возвышенности, и из окон кареты Уинифред видела только высокое синее небо. Но стоило ей приблизиться к месту на склоне, где стояла Кэтрин, и опустить взгляд вниз, как перед ней раскинулся самый удивительный пейзаж, какой ей только доводилось видеть.

Мягкие пологие холмы напоминали изгибы человеческого тела, как будто под слоем земли, травы и цветов был погребен древний колосс. Округлые кроны деревьев переме-

жались столбиками загонов, тут и там были рассыпаны овечьи стада. Вдалеке виднелись домики с темно-коричневыми крышами, а поля пересекали причудливо змеящиеся дороги – черные и широкие, светлые и узкие. Уинифред взглянула себе под ноги – несмотря на сентябрьскую жару, в траве бархатным ковром цвели фиолетовые, розовые и белые полевые анемоны.

– Тебе нравится? – с улыбкой спросил Теодор.

– Это... восхитительно, – признала она.

Дарлинг держал руки у лица, придерживая развеваемые ветром волосы. Отняв одну из них, он указал на пятно на горизонте.

– Вон там наш дом.

– Неужели мы остановились потому, что издалека он выглядит лучше? – поддразнила Уинифред.

Коричневая точка была слишком далеко, чтобы различить хоть что-то определенное, она видела лишь крышу и море зелени вокруг.

Дарлинг рассмеялся, и Лаура за его спиной пробормотала:

– Я могла бы его сейчас нарисовать. Я могла бы...

– Я напомню тебе о твоих словах, когда мы приедем, – отсмеявшись, заявил юноша. – К твоему сведению, Хэзервуд-хаус называют одним из красивейших поместий в графстве!

– Должно быть, так говорят только те, кто не видел его вблизи.

– Еще немного, и я разрыдаюсь, имей в виду.

Ухмыльнувшись, Уинифред хотела было ответить, но тут заметила краем глаза, как покачнулась стоявшая рядом Лаура. Теодор тоже обернулся и едва успел подхватить девочку под локоть. Та побледнела и зажмурилась, будто на мгновение ей стало невыносимо смотреть на солнце.

– Лаура? – беспокойно обратился к ней Теодор. – Что с тобой?

– Все в порядке, – заверила она. Козырьком приставив ладонь к лицу, девочка приоткрыла один глаз. – Просто немного закружилась голова.

Теодор и Уинифред обменялись встревоженными взглядами. Дорога давалась Лауре тяжелее, чем остальным, и все же это было первое серьезное проявление ее недомогания за последние несколько недель.

– Здесь такой сильный ветер! – капризно протянула Уинифред. Она знала, что Лаура терпеть не может быть слабым звеном. – Может, уже поедем?

Лаура с облегчением выдохнула и позволила Теодору увести себя к карете. Уинифред направилась следом, но Кэтрин придержала ее за плечо.

– Что с ней? – тихо спросила она. – Ей хуже?

Уинифред растерянно покачала головой.

– Мы не знаем. Она отказывается видеть врача, но... у моря она совсем не жаловалась на болезнь.

У мисс Дарлинг было такое лицо, будто она вот-вот рас-

плачется. Она отпустила плечо Уинифред и отвернулась.

– Я немного смыслю в лечебном деле. Как думаете, она позволит мне себя осмотреть?

– Конечно. Она вас просто обожает, мисс Дарлинг.

Убрав с лица волосы, Кэтрин печально улыбнулась.

Оставшийся до поместья путь в пять миль по причудливо петляющим сухим дорогам они преодолели в натянутом, неестественном оживлении. Дарлинг чересчур громко смеялся, Уинифред принимала необыкновенно активное участие в разговоре. Но Лаура, казалось, совсем не замечала странностей. Ей достаточно было облегчения от того, что все забыли о ее недавней слабости. Но все-таки Уинифред уговарила ее развязать тугие ленты капора, а Кэтрин притихла и всю дорогу подавленно глядела в окно, сжимая на коленях руки. Теодор тоже время от времени отодвигал шторку, поглядывая наружу.

Мисс Дарлинг, должно быть, что-то шепнула кучеру, потому что ехали они теперь гораздо быстрее прежнего. Какие-то полчаса, и вот за окнами начали мелькать домики арендаторов, люди и лошади.

– Вот он! – воскликнул Теодор, привстав с места.

Уинифред перегнулась через Лауру, чтобы тоже поглядеть на Хэзервуд-хаус. Старинный каменный особняк утонул в зелени. Густой пыльный плющ ковром распластался по земле и робко уцепился за фасад здания, подтягиваясь на фут вверх по стене. Стрельчатые окна с причудливыми

карнизам из белого мрамора оплетали разлапистые листья винограда и сиреневые капли глицинии. Кое-где виноградные лозы высохли, но все еще упрямо цеплялись за кирпичную кладку. Яркость рыжей, прокаленной солнцем черепицы немного приглушал ярко-зеленый на стыках и бурый на плитках мох, покрывавший крышу. Вся эта буйная зелень, живая, но явно ухоженная, не давала поместью выглядеть чересчур большим, строгим или внушительным. Несмотря на готические мотивы постройки и ее огромный размер, Хэзервуд-хаус больше походил на дом, нежели на замок. Это впечатление не скрадывали ни парк, разбитый вокруг поместья, ни подъездные аллеи из белого гравия, ни темный, сверкающий на солнце пруд.

Послышались громкое глухое дребезжание и стук – карета заехала на подъездную аллею перед поместьем. Уинифред села на место.

– Признай, что вблизи он даже лучше! – воскликнул Теодор. Опустившись обратно на сиденье, он жадно следил за ее реакцией.

– Красиво, – скупно уронила Уинифред, хотя сердце так глухо и часто билось в груди, что ей казалось, что она вот-вот не выдержит и задохнется.

Глаза юноши блеснули. Теперь она понимала, почему Теодору не терпелось поскорее сюда вернуться. Будь у нее такой дом, она, наверное, не покидала бы его ни на миг.

Экипаж проехал через низкую каменную арку ворот и

остановился у самого входа. Дарлинг первым выпрыгнул из кареты и принялся потягиваться и разминать затекшие ноги. В дороге он изрядно взмок и отстегнул от сорочки воротник, кончик которого теперь торчал из его кармана. Кэтрин, выбираясь, только укоризненно покачала головой.

– Пойди-ка встретиться с Мелиссой. Она наверняка глаз всю ночь не смыкала, бедняжка.

– Бабуля Мисси? Быть не может, – фыркнул Теодор.

Он вскочил обратно на подножку кареты, чтобы помочь выбраться Лауре. Унифред, которая вылезала последней, на всякий случай придерживала девочку за накидку.

– Эту женщину ни за что не встревожит приезд внука. Она и просыпается разве что под звук иерихонской трубы.

– Тедди, не груби, – с улыбкой одернула его мать.

Похоже, в семье Дарлингов шуточные подтрунивания – обычное дело. Странно, что с таким количеством упражнений в остроумии Теодор до сих пор с трудом отличал иронию, а все произнесенное серьезным тоном принимал за чистую монету.

– Хорошо, не иерихонской трубы, – согласился он. – Тогда под вопли мучеников.

– Ну держись у меня, сорванец! – донесся сварливый голос.

Унифред обернулась. У входа в дом стояла, опираясь на трость, маленькая сухая старушка. У нее были крошечные руки с длинными желтыми ногтями, похожие на птичьи лап-

ки, и круглое морщинистое лицо, покрытое коричневыми пятнами. В пухе белых волос светились маленькие красные уши. Нижняя челюсть непроизвольно дрожала, как это часто бывает у стариков, но маленькие черные глаза ясно и зорко глядели из-под наспуленных седых бровей.

– Бабуля Мисси! – радостно воскликнул Теодор.

Убедившись, что Уинифред поддерживает Лауру, он в три прыжка преодолел подъездную аллею и замер возле старушки, будто не зная, что следует сделать. Уинифред показалось, что если он сейчас ее обнимет, она рассыплется в пыль, как сухой лист.

С поразительной ловкостью старушка вдруг огрела Дарлинга по лодыжке тростью. Стойко снеся удар, юноша заложил руки за спину, нагнулся и изловчился чмокнуть бабулю в седую макушку.

– Негодник! – продребезжала старушка. – Неужто задумал в городе поселиться? В следующий раз навестишь меня, когда я буду на смертном одре?

Ее щеки мелко тряслись, но Уинифред видела, что она совсем не зла. Напротив, морщины у рта собрались сеткой, будто она изо всех сил сдерживает улыбку.

Теодор повернул голову к Уинифред и многозначительно приподнял брови – мол, кого-то напоминает. Она хотела нахмуриться, но ей вдруг пришло в голову, что точно такое же выражение лица сейчас было и у бабули Мисси.

– Ну-ну, не нужно сцен, – откликнулся Теодор, ласково

похлопывая старушку по плечу. – Пессимизм тебе не к лицу!

Она сняла его руку со своего плеча рукоятью трости и пренебрежительно фыркнула. Эти двое будто разыгрывали сценку встречи ненавистных друг другу родственников, хотя любому стало бы понятно, что Мелисса Дарлинг и ее внучатый племянник просто обожают друг друга.

– Здравствуй, тетя Мисси, – ласково приветствовала старушку Кэтрин.

Они обменялись поцелуями в щеку.

– Здравствуй, Кэти, милая. – Мелисса с удивительной нежностью приобняла племянницу за плечо и вдруг уставилась на Уинифред в упор своими маленькими черными глазами, похожими на птичьи. – А это еще кто?

– Это подруги Тедди, тетя Мисси. Мисс Уинифред Бейл и мисс Лаура Лун.

Уинифред с Лаурой присели в книксенах, и старушка недовольно проворчала:

– Сразу две? Надо же.

Теодор залился краской, а Уинифред сузила глаза. К ее ужасу, бабуля Мисси тут же скопировала ее выражение. Неужели он не шутил и характером она действительно напоминает сварливую тысячелетнюю старуху? Какой стыд!

– Будь поласковее, тетя Мисси, они все-таки наши гости! – ласково укорила Кэтрин старушку и подхватила под локоть Лауру. – Пойдемте, мисс Лун. Вы завариваете просто чудесный чай – не угостите нас чашечкой?

– Гости... – проворчала старуха и, зарядив тростью по дверному косяку, зашаркала следом за Кэтрин. – Гостьям не следует топтаться на пороге!

Уинифред посторонилась, пропуская Мэттью, тот, взвалив себе на плечи кофр, зашел в дом. Она хотела последовать за ними, но Теодор вдруг схватил ее за руку.

– Я хочу тебя кое с кем познакомить, – пояснил он, увлекая Уинифред дальше по аллее, за дом.

Гравийная насыпь хрустела под их ногами.

– Неужто с конюхом?

– Ну, с Мэттью ты и так знакома.

– Мэттью? Ваш кучер?

– Кучер, конюх, лакей. Иногда даже удается уговорить его прикинуться дворецким. У нас вообще немного прислуги для такого большого дома.

Едва поспевая за Дарлингом, Уинифред оглянулась на оплетенную шиповником каменную ограду. Она прикинула, не подрабатывает ли Мэттью еще и садовником – из розария не торчало ни единой сухой ветки или отцветшего бутона, самшитовые кусты были выстрижены ровными квадратами, а поверхность пруда чиста. Сад поддерживался в состоянии диковатого буйства зелени, не переходящего границу небрежности или заброшенности.

Обойдя дом, они направились к вытянутой в длину деревянной постройке с двускатной крышей – должно быть, это и была конюшня. Вокруг нее белел низкий деревянный загон.

Теодор выпустил руку Уинифред и, пыхтя, принялся возиться с засовом.

– Я не видел его целую вечность! – выпалил юноша таким тоном, будто она до сих пор не догадалась, что он привел ее посмотреть на лошадь.

Когда засов наконец поддался, Дарлинг распахнул одну из створок и поманил Уинифред внутрь. Она остановилась перед входом в конюшню, не решаясь войти.

В городских стойлах обычно ужасно грязно: на загаженных полах рассыпана солома, пахнет навозом и кислым лошадиным потом, а воду, мутную до серости, животным подносят в ржавых жестяных ведрах. Здесь же было светло и чисто. В высоких деревянных балках играли солнечные лучи и порхали случайно залетевшие голуби, четыре двери денников со скругленными косяками были вычищены, тягуче пахло свежим сеном, опилками и мылом. На дальней стене была развешана конская упряжь: вожжи, седла, подпруги и уздечки.

– Это Барвинок, – гордо представил Теодор единственного жеребца в конюшне.

Молодой гнедой скакун фыркнул и повел головой, но позволил погладить себя, тыкаясь носом в ладонь Теодору. Большие черные глаза животного внимательно следили за хозяином.

– Мама и бабуля Мисси подарили мне его на десятилетие, тогда он был еще жеребенком. Мэттью помог мне его объез-

дить.

Уинифред обняла себя руками и окинула взглядом пустые стойла с задвинутыми засовами.

– А где остальные лошади?

– Гелла и Фрикс остались в Лондоне. А Барвинок недавно повредил ногу, так что Мэттью поостерегся запрягать его в экипаж. Мама одолжила двойку у наших соседей, Редфилдов.

Погладив коня по морде, Дарлинг распахнул деревянную перегородку и забрался в денник. Там он обхватил Барвинка за шею и уткнулся лицом в его свалывшуюся коричневую гриву. Скакун не выказал ни малейшего признака раздражения, даже хвостом не шевельнул. Он обнюхал юношу, медленно повернул голову и посмотрел на Уинифред.

Она сузила глаза. Пускай любимец у Дарлинга с виду и симпатичен, сама она в жизни к нему не прикоснулась бы.

– Должно быть, тебе здесь было совсем одиноко, да? – заворковал Теодор, наглаживая шею скакуна.

Уинифред почувствовала себя лишней. Раздраженная, она повернулась на каблуках.

– Я пойду в дом.

– погоди! – Теодор, смущенно улыбаясь, шагнул из денника. – Хочешь тоже его погладить?

– Нисколько.

– Брось! Он будет рад.

Уинифред замерла у порога, и Теодор снова взял ее за ру-

ку. Она закатила глаза и попыталась высвободиться, но даже Дарлинг заметил бы, что делает она это без особой охоты. Возможно, ей все-таки *немножечко* хотелось узнать, какова на ощупь морда Барвинка – блестящая и коричневая, как отполированная древесина.

– Знаешь, кто еще терпеть не может лошадей? – Теодор выдержал драматическую паузу. – Бабуля Мисси.

Сравнение с Мелиссой Дарлинг раздражало и забавляло Уинифред почти в равной степени. По одной только этой причине она до сих пор позволяла Теодору эти глупые шутки.

– Должно быть, она единственный здравомыслящий человек в вашем доме! – парировала она.

– Какой ужас! Назовешь меня разок негодником, и я действительно начну вас путать.

Теодор подвел ее к коню, и Уинифред вдруг пришло в голову, что он стал гораздо смелее. Прежде он не решался так открыто посмеиваться над ней и так уверенно хватать за руку. Отношения между ними менялись, они больше узнавали друг друга, пробовали границы дозволенного, учились прощать пустяки.

Но у нее все еще не хватало смелости наконец установить природу их связи. Сколько еще она сможет оставаться гостьей в великолепном доме Дарлингов? А когда придет время уезжать, какова вероятность, что Теодор все-таки последует за ней?

Нет, он не покинет ее. Она этого не допустит.

Унифред завела свободную руку за спину и с силой стиснула ее в кулак. Напряжение в груди было почти таким же осязаемым.

– Тедди?

– Да?

Кто мы друг другу?

Унифред раскрыла было рот, но тут же пришла в ужас от собственной решимости и поспешно разжала пальцы. Нет, Теодор только вернулся домой, только увиделся с семьей – она не может отравить его счастье своими условиями и капризами.

– У этого коня глаза точь-в-точь как у тебя.

Рассмеявшись, Дарлинг накрыл ее руку своей ладонью и поднес ее к морде скакуна. Унифред затаила дыхание, но Барвинок только моргнул. Она почувствовала его короткую бархатистую шерсть. Осмелев, Унифред кончиками пальцев погладила твердую морду животного.

– Хочешь прокатиться верхом? – предложил Теодор.

Унифред поежилась, отняла ладонь, и Барвинок повел головой, будто приглашая ее снова прикоснуться к себе.

– Я не умею.

– Ты не умеешь ездить верхом? – со смехом уточнил он. – Не может быть!

Унифред вспыхнула.

– Не всем дарили скакуна на десятилетие, – колко заме-

тила она.

Теодор казался искренне смущенным. Он почесал голову, как делал всякий раз в минуты растерянности, и виновато произнес:

– Извини, глупость сказал. – Он затолкнул в карман измятый воротник, порылся в нем и выудил кусочек сахара. – Утащил за завтраком. Попробуешь его покормить?

Со вздохом Уинифред вытянула руку, и Дарлинг положил ей на ладонь кубик.

– Просто поднеси его к морде.

Барвинок мягкими губами пощекотал ладонь... и вдруг с отвратительным чмоканьем лизнул ее, забирая сахар. Она успела увидеть огромные зубы, каждый размером с монету. Охнув, Уинифред попятилась.

– Гадость! – завопила она и вытянула руку перед собой, не решаясь вытереть ее о платье. Она уже пожалела, что послушала Теодора и вообще прикоснулась к этому грязному животному. – Он облизал меня!

Дарлинг, по всей видимости переложивший все содержимое сахарницы себе в карман, выудил еще один кусочек рафинада и скормил его коню.

– И вовсе не гадость, – обиженно пробормотал он, но вынул из кармана жилета носовой платок и принялся бережно обтирать ладонь Уинифред. – Это он так поблагодарил тебя.

– Позволяю ему оставлять благодарности при себе!

– Может, тогда ты примешь мою благодарность?

Он повязал ее кисть платком, будто она поранилась, и теперь нежно держал за запястье.

Нет, он совсем не изменился. Под слоем рожденной близостью уверенности Дарлинг был все таким же: нерешительным до первых шагов, опасаящимся оступить – словно Уинифред была диким зверьком, которого легко спугнуть неосторожным движением или словом.

Уинифред шагнула ближе и положила его руку себе на талию, чувствуя, как от простого прикосновения по ее телу прокатывается теплая дрожь.

– Бога ради, Теодор, ты ведь не собираешься меня лизнуть?

Краска бросилась в лицо Дарлингу. Он попытался отдалиться, но Уинифред потянулась вперед и поцеловала его, с восторгом чувствуя, как грудь юноши встрепенулась от сбившегося дыхания. Она скользнула пальцами по его щеке, ощущая твердость выступающей скулы и гладкость юношеской кожи, а Теодор с тихим вздохом запустил пальцы в ее переплетенные волосы. Он знал, что Уинифред нравится, когда он так делает, пускай позже она и будет ворчать из-за испорченной прически.

Да, он все еще понимал ее лучше, чем она понимала саму себя. А самое главное – он все еще был в нее влюблен. Пока что этого было достаточно.

Кэтрин отвела Уинифред просторную гостевую комнату, размером она была с Малый кабинет в доме Дарлингов на Керзон-стрит. Мэттью уже перенес сюда ее багаж – три саквояжа, два длинных дорожных кофра и бесчисленное множество коробок со шляпами и обувью. Ошеломленная количеством собственных вещей, Уинифред присела на край кровати и огляделась.

Интерьер был выполнен в зеленых тонах: изумрудные шелковые обои, болотного оттенка шелковый полог и портьеры. Даже старинные настенные канделябры были покрыты зеленоватым налетом патины. На маленьком туалетном столике рядом с букетом цинний в хрустальной вазе были разложены новенькие щетки для волос в серебряных оправках. На стенах были развешаны акварельные картинки с изображениями Лондона: Вестминстерское аббатство, шпиль церкви Святой Бригитты и мост Блэкфрайерс.

Сердце защемило от тоски. Уинифред прекрасно знала о недостатках родного города: грязный, шумный, вонючий, нечуткий к своим жителям и алчный до их денег. Но все это блекло перед теми мгновениями, когда смог рассеивался, звонки и колокола стихали, набережные блестели от недавно прошедшего дождя, и вечерний Лондон зажигался тысячей огней. Такое мгновение ей всегда хотелось запереть, на-

писать о нем, запечатлеть в почтовую открытку. Но она не умела красиво писать или рисовать, ей оставалось хранить этот миг в памяти – нетронутым, и потому разъеденным по краям временем. Уинифред всегда мечтала сбежать из столицы, но сейчас ей почему-то нестерпимо хотелось обратно.

Может, предосторожности все-таки были излишними? Когда они смогут вернуться?

В дверь постучали, и Уинифред услышала голос мисс Дарлинг:

– Могу я войти?

Бесшумно опустившись на колени, Уинифред отперла замок на кофре и вынула из него лежавшие сверху перчатки. Ей не хотелось, чтобы Кэтрин застала ее без дела.

– Войдите!

Мисс Дарлинг заглянула в комнату. В руках она держала картину в изящной темно-коричневой раме.

– Лаура подарила мне портрет Тедди. Не сможешь мне повесить его в галерее на третьем этаже?

Обращение «мисс Лун» Кэтрин сменила на более неформальное. Похоже, Лаура воспользовалась моментом и упростила и ее звать по имени, как это было с Эвелин.

При мысли об Эвелин Уинифред на мгновение растерялась. Мало-помалу мисс Саттон начала стираться из ее памяти. От нее не было вестей с самого отъезда из столицы. Теодор продолжал писать подруге, но не получил ответа ни на одно из своих писем.

Уинифред поднялась и бросила перчатки на кровать.

– Конечно, мисс Дарлинг.

Галереей оказался западный коридор дома. Ее освещал ряд маленьких зарешеченных окон, сбитых вместе длинной низкой аркой. Сейчас, с наступлением вечера, косые солнечные лучи квадратами освещали картины и медленно сползали вниз на каменную стену и бордовый с золотой каймой ковер.

– Это наша семья, – пояснила Кэтрин, указывая на длинный ряд пожелтевших портретов. Мужчины и женщины, дети и старики – все они одинаково бесстрастно глядели на Уинифред с полотен. – Место выбрали слишком уж солнечное для картин, но так уж повелось, и я не стала ничего менять.

Мисс Дарлинг опустила портрет сына на пол и проверила, крепко ли прибита к холсту рама. На обратной стороне полотна чернели маленькие росчерки – год и подпись.

– Как я могу вам помочь, мэм?

Кэтрин вновь приподняла картину и прошла в конец галереи. Там в стену были вбиты два маленьких медных крючка.

– Смотри с другой стороны и скажи, когда я попаду в пазы.

Когда Кэтрин позвала ее вешать портрет, Уинифред подумала, что та хочет поговорить с ней с глазу на глаз. Но, похоже, ей действительно попросту требовалась помощь. Их диалог ограничивался краткими указаниями Уинифред и одобрительными восклицаниями Кэтрин.

Наконец портрет был надежно закреплен на стене, и мисс

Дарлинг довольно отряхнула руки, присматриваясь.

– Вы знали всех этих людей, мэм? – вежливо поинтересовалась Уинифред, когда молчание начало действовать ей на нервы.

– Нет, что ты, – рассмеялась Кэтрин, окидывая взглядом галерею. – Тут есть Дарлинги, здравствовавшие еще при королеве Анне. Из всех них я знала только своего деда, отца тети Мисси.

Ее взгляд потеплел, словно она забыла, что он приходился родителем и Генри Дарлингу-старшему, отцу самой Кэтрин.

– Он был хорошим человеком. Мелисса говорила, что он никогда не выказывал к ней пренебрежения, хотя она так и не вышла замуж. Он же не позволил моему отцу сдать Хэзервуд-хаус в аренду, так тетя Мисси здесь и поселилась.

Смотреть на портреты Дарлингов Уинифред давно наскучило. Все как на подбор были черноглазыми и черноволосыми, с высокими лбами и тонкими линиями рта. Семейное сходство прослеживалось и в портрете пожилого мужчины, который сейчас разглядывала Кэтрин, – бакенбарды без малейшей проседи, мягкий, оценивающий взгляд.

– В честь него вы назвали Теодора? – попробовала угадать Уинифред.

– Нет, от него Тедди получил третье имя – Чарльз. Сын был дан мне Богом, а не моей семьей. Так я его и назвала – «подаренный Богом».

– Ему подходит это имя, – согласилась Уинифред.

Теодор отличался от всех, кого она когда-либо встречала. Он был наделен редким даром – способностью менять людей к лучшему. Обратная сторона этого дара заключается в том, что не все желают меняться.

Кэтрин будто прочла ее мысли.

– Скажи, Уинифред... – Она поправила уголок картины и шагнула назад, оценивая. – В Лондоне Теодор ведь виделся со своим отцом, верно?

У Уинифред перехватило дыхание – все-таки она не ошиблась, мисс Дарлинг позвала ее в галерею не просто так. Теодор умолял ее никогда не рассказывать его матери о том, что случилось перед их отъездом – об убийствах, которых они себе не простили⁴.

– Только однажды, – удивленным тоном ответила Уинифред, радуясь, что не приходится грешить против истины. – Откуда вы знаете?

– Он перестал писать мне о нем после вашего отъезда в Брайтон.

Уинифред ожидала новых вопросов, которые сама наверняка бы задала, – что случилось при встрече? Как мистер Уоррен отреагировал на сына? Но Кэтрин больше ничего не спросила. Не отрываясь, она смотрела на Теодора на портрете. Единственная улыбка в ряду суровых, строгих лиц предыдущих поколений Дарлингов.

– Вы простили его? – спросила Уинифред.

⁴ Подробнее события описаны в романе «Лживые зеркала».

– Уже давно. Я стала бы несчастной, держи я обиду и гнев в себе. Да и как я могла не простить? Он причина, по которой у меня есть Тедди. И... пожалуй, он кое-чему научил меня. Теперь я знаю себе цену. – Кэтрин помолчала и неуверенно добавила: – А... *он* простил?

Уинифред вспомнилось лицо Теодора мгновением после того, как он вонзил перо в шею своего отца. Да, он ненавидел мистера Уоррена. Но в тот момент он возненавидел еще и ту часть себя, которая толкнула его на убийство.

– Нет, – честно призналась она. – Не простил и не простит. Но, думаю, он его отпустил.

Кэтрин прерывисто выдохнула. Она явно опасалась ответа Уинифред, но услышанное принесло ей облегчение.

– Слава богу. Ты знаешь, меня всегда пугала его ненависть к моим родителям. – Она погладила рамку портрета и отвернулась, приглашая Уинифред следовать дальше. – Словно червоточина в яблоке. Иногда мне кажется, что он любит настолько сильно, что эта любовь способна на ужасные вещи.

– Он всего лишь стремится защитить тех, кого любит, – возразила Уинифред. – Не думаю, что это так уж плохо.

– Защитить любимых, спалив остальной мир дотла? Не уверена, что хотела бы подобного для себя.

Мисс Дарлинг обернулась на нее через плечо. Выражение ее лица было печальным и уставшим, а в черных глазах затаилась тревога, которой Уинифред не могла найти объяснения. Словно Кэтрин догадывалась о чем-то, что ей самой бы-

ло невдомек. Но Кэтрин ошибалась – даже убийство не сумело изувечить душу Теодора. По крайней мере, те ее уголки, в которые он позволял заглядывать Уинифред.

«А я хотела бы», – промелькнуло в мыслях девушки.

Ее ужаснуло то, насколько спокойно она приняла это свое желание. Ей нравилось, что на свете есть человек, который всегда будет ставить ее на первое место.

Мисс Дарлинг предложила ей осмотреть домашний салон, и вдвоем они спустились на первый этаж. В холле располагалась лестница, приличествующая такому поместью, как Хэзервуд-хаус: огромная, выполненная из белого мрамора и крытая красным ковром. Но салон располагался в другой стороне дома, рядом с черным ходом. Уинифред даже немного разочаровалась, когда Кэтрин завела ее в центральное крыло – темное и ничуть не роскошное. Свет проникал сюда только через высокое окно с нишей в глубине коридора и распахнутые двери одной из комнат.

– Эта часть дома – самая старая, поэтому здесь немного прохладно, – объяснила Кэтрин, когда Уинифред невольно повела плечами. – Остальное раньше было флигельными пристройками. Признаться начистоту, там и сейчас...

– Мисс Дарлинг! – послышался голос Лауры, и они обернулись.

Девочка была в хорошеньком розовом платье, подаренном ей Уинифред. Обычно она надевала его только в город, но, видимо, роскошь дома ее несколько смутила. Она стояла

у входа в коридор, сосредоточенно глядя в пол.

Лицо Кэтрин смягчилось.

– Ты уже готова? Пойдем. – Взглянув на Уинифред, она пояснила: – Лаура позволила мне осмотреть себя. Надеюсь, ты не возражаешь, если я препоручу тебя заботам тети Мисси? Салон – вон там.

Уинифред сглотнула. Перспектива остаться один на один со склочной бабкой Теодора не сильно ее радовала, но... Нельзя было принуждать Кэтрин остаться, раз Лаура наконец согласилась на осмотр.

– Разумеется, мисс Дарлинг.

Уинифред ободряюще улыбнулась Лауре. Та не знала, куда себя деть от волнения. Не произнося больше ни слова, она нервно заламывала пальцы.

Кэтрин увела девочку, что-то ласково ей говоря, и Уинифред осталась в коридоре одна. Через открытую дверь бабуля Мисси наверняка слышала каждое их слово, поэтому Уинифред, не мешкая, направилась в комнату – недоставало еще, чтобы старуха решила, что она струсил.

Окна в салоне были распахнуты ставнями внутрь, легкий теплый ветер играл кружевными занавесками, напоминающими свадебную фату. Под окном высился лавандовый куст, над которым с тихим гудением сновали пчелы. Через окно осенний дух проник в салон и осел на каждой его поверхности: на книжных шкафах, плотно заставленных книгами, небольшом лакированном трюмо во французском сти-

ле, каминной полке, лакированном спинете⁵, маленьком столике, диванах и креслах. Подвешенная под потолком игрушка, изящная хрустальная бабочка на нитке, отбрасывала на стены радужные солнечные зайчики.

Ветер втянул в комнату надувшуюся пузырями занавеску, и Мелисса подтянула выше наброшенный на ноги плед. Она сидела в темно-зеленом бархатном кресле, придвинутом к столу. Старушка вышивала платок. Игла быстро-быстро мелькала в ее тонких сморщенных пальцах с длинными ногтями, а на белой бязевой ткани каймой распускались синие васильки. Услышав шаги, она быстро вскинула голову, но тут же вернулась к шитью.

– Ах, мисс Лун, – продребезжала она.

Вот ведь старая карга!

– Нет, мэм, – терпеливым, снисходительным тоном, какой берут в беседе со слабоумными стариками, возразила она. – Я мисс Уинифред Бейл.

Окажись Лаура на ее месте, она скорее сменила бы себе имя, нежели призналась, что ее зовут иначе.

Бабуля Мисси снова подняла голову, и Уинифред тотчас стерла с лица появившуюся улыбку.

– Куда это ты ходила сегодня с Теодором? – спросила она.

– В конюшню, мэм.

– Зачем?

– Кормить коня.

⁵ Небольшой клавишный струнный музыкальный инструмент.

– Вы были вдвоем?

– Да.

– Ясно. Ты всегда с такой охотой отвечаешь на вопросы?

Значит, вежливость Мелиссе ни к чему, она всего лишь хотела поглядеть, покажет ли Уинифред зубы.

– Только когда я в гостях, мэм, – дерзко ответила она.

Мелисса состроила гримасу, которая с равной вероятностью может означать как одобрение, так и презрение. Уинифред терпеть не могла читать лица стариков – то ли они подмигивают тебе, то ли с ними случилась судорога, не разберешь. Время прячет их эмоции под складками сморщенной кожи.

– Славно, что ты об этом помнишь.

Выражение лица Уинифред осталось непроницаемым. Внутренне она давно приняла тот факт, что с Мелиссой Дарлинг им в жизни не сойтись – слишком уж они похожи.

Она присела в коротком книксене.

– Мне пора, мэм.

– Стой. Я хотела поблагодарить тебя.

Уинифред опешила. Эта ехидная старуха *благодарит* ее?

– За что, мэм? – старательно скрывая замешательство, спросила она.

Мелисса исподлбья сверкнула на нее маленькими глазками.

– Я понятия не имею, что произошло в Лондоне, и знать не хочу. Это дурной город, и с таким недалеким мальчиш-

кой, как Тедди, там многое могло случиться. И если не случилось, то только благодаря тебе.

Унифред кисло прикинула, что слова Мелиссы по справедливости нельзя расценивать как благодарность. Но для нее, должно быть, они были сродни объятию – с такой неохотой она их выдавила. Попытку стоило оценить по достоинству – Унифред и сама с большей охотой ругала людей, чем говорила спасибо.

– Я всегда буду защищать его, – твердо произнесла она.

Бабуля Мисси фыркнула и с остервенением ткнула иглой в вышивку.

– «Всегда» – смелое слово для семнадцатилетней.

– Мне не всегда будет семнадцать.

На мгновение старуха застыла, острым кончиком царапнув ткань платка, но ничем больше не выдала своего удивления.

– Что ж, посмотрим, что из этого выйдет, – еле слышно пробормотала она и добавила: – Некоторые вещи не меняются, мисс Бейл.

– Я надеюсь на это, мэм.

Мелисса угрюмо кивнула, и Унифред поняла, что ей здесь делать больше нечего. Попрощавшись, она выскользнула в коридор и только там заметила, насколько неровно и сбито ее дыхание.

Вернувшись в холл, она несколько мгновений глядела в распахнутую парадную дверь. Еле слышно звенели цикады,

издалека доносились отрывистый собачий лай и кваканье лягушек. Солнце, спустившееся к линии леса, бликами металось по поверхности пруда и покрыло золотой взвесью весь сад – розы, траву, кусты. Уинифред чуть сощурилась, когда луч осветил ей в лицо, и увидела собственные ресницы – дрожащие пылинки перед глазами.

– Винни!

Она обернулась. После того как она поглядела на солнечный свет, холл показался ей темным. Дарлинг перегнулся через перила на втором этаже, с любопытством наблюдая за ней.

– Шпионишь за Мэттью? – поинтересовался он.

Оскорбившись, Уинифред расправила плечи.

– Вот еще. Вообще-то я наслаждаюсь видом!

– Что ж, ясно. – Он стиснул пальцами перила и несмело спросил: – Может быть, тебе захочется полюбоваться видом из моей комнаты? Ничего особенного, но...

– На самом деле я сама хотела тебя об этом попросить, – улыбнулась Уинифред.

Теодор просиял.

Его спальня располагалась на втором этаже. Дарлинг вошел первым, совершенно негалантно оттеснив Уинифред в проходе, и поспешно смел какие-то бумажки в ящик стола.

– Я забыл убрать, – пробормотал он и, спотыкаясь об оставленные посреди спальни чемоданы, бросился застилать постель.

Комната была небольшой и обжитой. Везде сохранились следы недавно ушедшего детства: засечки на дверном косяке, отмечающие рост, выцарапанные ножом рисунки на деревянной поверхности стола, стопка детских книг на полке. Книг здесь было великое множество – в шкафу, на столе, на комодe у кровати, даже косяк стопка на подоконнике.

Теодор заметил взгляд Уинифред и виновато пояснил:

– Вообще-то у нас есть библиотека, но мне нравится хранить любимые книги у себя. Мама позволяет, пока их не слишком много.

– На полу еще масса свободного места, – ехидно заметила Уинифред.

Теодор снял стопку томиков с окна и раскрыл ставни, впуская в комнату ветер.

– Вот, погляди!

Пока они поднимались, солнце окончательно скрылось за горизонтом, и разлитое по саду золото сменилось серебряной дымкой. Растения пониже, цветы и кустарники, потемнели и стали почти неразличимы, а те, что были повыше, сумерки обвели синим контуром. Собаки притихли, зато металлический звон цикад стал громче и как будто бы ближе.

Теодор встал рядом и оперся руками на подоконник.

– Думаю, теперь ты видишь, почему мне так нравится сюда возвращаться.

Боковым зрением Уинифред заметила, что он посмотрел на нее.

– Но если тебе захочется уехать, мы уедем, даже не сомневайся.

– Я хотела бы здесь задержаться, – сказала она, и Теодор улыбнулся. – Мисс Дарлинг замечательная. И твоя бабуля... очень тебя любит. Знаешь, сегодня я подумала о том, что, если бы всех нас так любили наши родители, может, на свете было бы больше таких людей, как ты.

Она думала, что Теодор опустит шутку в духе «ну, один такой, как я, – в самый раз», но он верно уловил ее настроение и без тени веселья кивнул.

– Да, ты права. Я ничуть не особенный. Уж точно не лучше других. Просто меня воспитали правильные люди, и этого оказалось достаточно.

Уинифред молча положила голову ему на плечо и прикрыла глаза.

Глава 4

Падения и кольца

Нет, она ни за что на свете не полезет на это чудовище.

Огромный конь с прелестным и оттого совсем ему не подходящим именем Барвинок возвышался над Уинифред горой животных мускулов. Издалека его можно было назвать красивым – когда он пасся в загоне, время от времени вскидывая голову, или когда Дарлинг, сидя на нем верхом, проносился под ее окнами. Но вблизи Уинифред могла рассмотреть его огромные желтые с черным налетом зубы и копыта, которыми он в мгновение ока мог разрыть грунт на лужайке.

Словно учуяв ее ужас, Барвинок повернулся к Уинифред, меланхолично прядая ушами. Она попятилась, но тут же ощутила у себя на талии теплые руки. Теодор склонился, дыханием щекоча ей ухо:

– Струсила?

– Нет, – тонким голосом соврала Уинифред. – Просто от него дурно пахнет. Не хочу садиться на такое грязное животное.

Конь взмахнул хвостом, разгоняя мух, и в этом движении Уинифред почувствовала угрозу. Она сглотнула и расправила амазонку, одолженную ей Кэтрин.

– Это Барвинок-то грязное животное? – удивился Дарлинг

и вдруг обеими руками обхватил ее за талию и потащил к коню. – Ха! Я знал, что ты так скажешь, поэтому вчера лично его вычистил!

Уинифред не было дела до того, насколько хорошо вымыт Барвинок. Все, что она видела, – неумолимо приближающуюся лошадиную морду с толстыми губами, скрывающими ряды зубов. Эта тварь точно собиралась оттяпать ее пальцы.

– Пусти! – завизжала Уинифред и забилась в руках Теодора.

Смеясь, юноша подтащил ее к стремяни, но она пнула его ногой, не желая взбираться на коня.

– Отпусти меня, кому говорю!

– Если будешь лягаться, Барвинок испугается и забьет нас обоих копытами, – предупредил Дарлинг, и Уинифред в ужасе замерла. – Забьет насмерть. Поэтому скорее забирайся в седло.

Присмирив, она позволила Теодору подсадить себя и кое-как устроилась на спине коня, свесив ноги на одну сторону. Кэтрин настояла на том, чтобы в свою первую поездку Уинифред воспользовалась дамским седлом, хотя Теодор возражал («Но ведь тогда она не сможет пустить его в галоп!»).

– Я пошутил, – самодовольно сообщил ей Теодор, беря коня под уздцы.

Лошадиная спина под Уинифред задрожала и задвигалась, и она дрожащими руками вцепилась в седло.

– Не стал бы он нас забивать насмерть. Барвинок вообще

до жути смиренный.

– Мне все равно! – отрезала она и пискнула, когда Дарлинг повел коня вперед.

На каждом шаге ее легонько подбрасывало, и, хотя ткань амазонки тормозила скольжение по седлу, Унифред все равно вцепилась в луку так, что у нее побелели ногти.

– Спусти меня, иначе тебе не поздоровится, Теодор!

– Главное – доверять лошади, – наставительно сказал юноша, пропуская мимо ушей ее угрозы. – Тогда и она тебе доверится.

Сейчас Унифред с гораздо большей охотой пустила бы Барвинка на мясо, нежели доверилась ему. Убедившись, что Дарлинг не собирается спускать ее на землю, она поудобнее устроилась в седле и попыталась выпрямиться. Но ее тут же качнуло вперед.

– Что это за идиотская выдумка? – сквозь зубы произнесла Унифред. – Кто сказал, что мне непременно нужно научиться ездить верхом?

Ей казалось, что если ее хоть раз тряхнет во время того, как она будет говорить, то она непременно откусит себе язык.

– Так ведь это каждый дурак умеет, – легкомысленно заметил Теодор.

Унифред насупилась. Вспоминая наставления Кэтрин, она выпрямила левую ногу, балансируя на правом бедре, и с удивлением обнаружила, что может опираться на боковые

луки седла. Уинифред зажала их бедрами и выпрямилась, несмотря на мерное покачивание лошадиной спины.

– Получилось, – недоверчиво пробормотала она.

Теодор обернулся к ней, улыбаясь.

– Ты умница, – похвалил он ее.

Уинифред поджала губы, чтобы не рассмеяться от удовольствия. Мысль о том, что кто-то сейчас может увидеть ее, элегантно восседающую на коне, заставила ее горделиво расправить плечи.

– Так и быть. Сделаем круг по дорожке – и довольно!

– Я хотел показать тебе мое любимое место. Позволишь отвести тебя туда? – кротко спросил Теодор.

Уинифред начинала думать, что он делает это нарочно – как будто она может отказать, когда он так просит!

– Пожалуй, – мрачно согласилась она.

Ей удалось довольно удобно устроиться в седле, и она была почти уверена, что не свалится, если Теодор ненароком дернет поводья или все-таки вздумает пустить коня рысью.

Они описали круг вокруг Хэзервуд-хауса. Почувствовав осень, деревья подпустили в листву желтого и красного. Кое-где трава пожухла, но даже таким сад был прекрасен: шиповник доцветал, густо оплетая ограды, продолжали зеленеть самшит и плющ. Подходил к концу самый жаркий месяц года – сентябрь.

Терпкий, мягкий сельский воздух пошел Лауре на пользу. Осмотрев ее, Кэтрин не обнаружила явных следов болез-

ни. В Хэзервуде Лауре стало гораздо лучше: на посвежевшее лицо вновь вернулся темный румянец, окрепли руки, заблестели глаза. Девочка настояла на том, что станет помогать в кухне и по дому, но сердобольная экономка Нив, которая не могла надышаться на «бедное, бедное дитя», давала ей правые задания – вымыть овощи или смахнуть пыль в жилых комнатах. Свободное время Лаура проводила за рисованием или на пару с Уинифред исследовала дом – большая его часть пустовала за ненадобностью.

Висевшие в спальне Уинифред картинки с лондонскими пейзажами настолько ей осточертели, что девушка как-то даже решила их снять, но повесила обратно, увидев на оборотной стороне подпись Кэтрин. Что бы мисс Дарлинг ни говорила, она тоже скучала по родному городу и, похоже, этими рисунками надеялась унять тоску.

Отведенная Уинифред гостевая комната была милой, обставленной со вкусом и вниманием к деталям, но все-таки она предпочитала библиотеку. Книги Уинифред не интересовали, но в огромной библиотеке Дарлингов было тихо и уютно, пахло пылью и старой бумагой. От каминов из каррарского мрамора веяло прохладой. В нише у окна можно было присесть на диванчик с подушками из парчи и просто глядеть на улицу. Когда безделье ей наскучивало, она принималась ходить меж шкафов и разглядывать томики в красивых обложках. Ряды книжных полок уходили высоко вверх, под самый потолок с тяжелыми пыльными люстрами.

Впрочем, в библиотеке Уинифред никогда не задерживалась – Теодор не любил надолго оставаться предоставленным самому себе, поэтому обычно тащил ее возиться в конюшне или осматривать уголья. Сейчас ему взбрело в голову научить Уинифред ездить верхом. К ее удивлению, затею с жаром поддержала мисс Дарлинг. Ее глаза заговорщически сверкали, когда она примеряла на Уинифред одну из своих старых амазонок.

Говоря начистоту, Уинифред предпочла бы покататься верхом вместе с Кэтрин – это ведь она, а не Теодор умеет сидеть в дамском седле. Но сегодня мисс Дарлинг не было дома – они с Лаурой отправились навестить арендаторов, снова одолжив у Редфилдов лошадь, чтобы запрячь двуколку. Кэтрин старалась помогать жителям своего прихода, а иногда даже врачевала их в силу своих способностей.

Уинифред с неудовольствием выслушала от Теодора историю о дочке приходского священника Эми, которая четыре недели провела в Хэзервуд-хаусе, пока Кэтрин лечила ее от скарлатины и выхаживала после болезни.

– Мы с ней очень подружились за то время, – рассказывал Дарлинг. Он прервался только тогда, когда заметил недобрый взгляд Уинифред. – Хотя... – поспешно добавил он, – если подумать, не так уж мы были и близки. Да и давно это было. Я даже не помню, как она выглядит.

– Тедди.

– Да?

– Не хочу слышать больше ни слова про Эми.

– Да, мэм.

Теодор завел коня наверх, на холм, и углубился в лес. Сухие ветки и опавшая листва трещали под копытами Барвинка. Уинифред казалось, что он непременно оступится, и сильнее стискивала бедрами луки седла. Но конь шел ровно, высоко поднимая ноги, и мало-помалу Уинифред успокоилась.

Отодвинув ветку, Теодор вывел коня на небольшую полянку. Здесь начиналась полоса густого леса, через который не пройти ни верхом, ни пешком – деревья плотно обступили лужайку со всех сторон. Солнечный свет, проникавший сквозь раскидистые кроны, ложился на землю тонкими золотыми полосами. Нетронутые солнцем стволы деревьев были покрыты густым мхом. В низкой траве мешались синие и желтые цветы.

Остановив Барвинка на краю лужайки, Теодор перебрал поводья через его голову и подал руку Уинифред.

– Сначала перенеси правое бедро через луку, – посоветовал он.

Уинифред так нервничала, что не стала возражать – приподняла дрожащую от напряжения ногу и замерла, едва дыша.

– Отлично. Теперь упрись в стремя и крепко хватайся за меня.

Уинифред отпустила одну руку и протянула ее Дарлингу,

но тут нога выскользнула из стремени, и она, не успев ни за что ухватиться, рухнула на землю. Она прикрыла голову и зажмурилась – плечо тяжело врезалось в почву.

Поморщившись и приоткрыв один глаз, Уинифред попыталась было приподняться на локтях, но тут различила рядом с собой движение. Ей понадобилась секунда, чтобы осознать, что она упала прямо под ноги коню.

Уинифред торопливо засучила ногами по земле, отползая как можно дальше от огромных подкованных копыт Барвинка. Сердце ее бешено колотилось от страха, но она боялась издать хоть звук – вдруг конь и впрямь испугается и затопчет ее? Но Барвинок, казалось, даже не заметил, что наездница исчезла. Поводя ушами, он преспокойно стоял на месте, даже когда Дарлинг отпустил поводья.

– Винни! Прости, я не успел тебя поймать. Ты не ушиблась?

Рядом с ней на траву бухнулся Теодор. Уинифред почувствовала, как шляпка-цилиндр, больше не удерживаемая заколкой, сползает на затылок, и сердито сдернула ее с головы. Светлые волосы тяжелым узлом упали на спину и, расправившись под собственным весом, рассыпались по плечам. Чуть раскрыв рот, Теодор замер.

– Все в порядке, – буркнула Уинифред и заправила локоны за уши. Ее щеки горели – то ли от натуги, то ли от смущения. – Этот жуткий конь сбросил меня.

Дарлинг вполне мог возразить ей, что в ее падении Бар-

винок не виноват – Уинифред и сама понимала, что нога попросту соскользнула. Но юноша только улыбнулся и прикоснулся к ее лицу, стирая со щеки грязный след.

– Ты отлично приземлилась, – похвалил он ее и, поймав ее гневный взгляд, добавил: – Я не шучу! Падать с лошади тоже надо уметь. Не представляешь, сколько раз я ломал себе руки в детстве! Бедная моя матушка!

Уинифред фыркнула и села, подобрав под себя ноги. В амазонке она могла делать это с гораздо большей легкостью, нежели в кринолине. Рукав из пурпурного батиста был измазан травяным соком. Отстегнувшийся от пояса хлыстик с серебряной ручкой упал в траву.

Дарлинг, согнув в коленях длинные ноги, уселся рядом. Он был в светло-бежевом костюме, и на нем отчетливо виднелись зеленые пятна.

– Вообще-то я взял с собой покрывало, – извиняющимся тоном сказал он. – Знаю, что ты не любишь грязь. Хочешь, расстелем?

– Оставь, – буркнула она. – Я все равно с ног до головы испачкана землей.

Барвинок принялся пастись неподалеку, тихо звеня уздечкой. Уинифред огляделась. Они сидели на самой середине лужайки. Из-за того, что солнечные лучи сюда почти не проникали, трава не пожухла. Тут и там из блестящего зеленого ковра выглядывали белые головки маков.

– Это было одним из моих любимых мест в детстве, –

поделился Теодор. – Весной, едва распустятся цветы, здесь просто волшебю. Когда я читаю истории про фей, мне всегда представляется именно эта лужайка.

Уинифред вскинула голову. Освобожденные от шпилек локоны защекотали ей щеки. Сквозь кроны деревьев проглядывала мозаика чистого голубого неба.

– И правда, очень красиво, – задумчиво пробормотала она.

Ее окутало тяжелое, сонное умиротворение, все тревоги отступили на задний план. Здесь, в Хэзервуде, подобное настроение накатывало на нее часто. Спокойствие, подобное штилю.

Затишье перед бурей.

Теодор зашевелился.

– Винни, ты еще сердисься?

– Я и не сердилась, – возразила Уинифред, улыбаясь.

Если она и была на кого-то зла, то только на себя – за неловкость и глупый страх перед животным.

– Знаешь, я... написал для тебя кое-что, – выдавил Теодор, отчаянно краснея. – Бабуля Мисси говорит, что те, кто любит книги, не должны писать свои собственные, но... это ведь не совсем книга? Так, глупость... Набросал за пару минут...

– Ну же, не томи! – припечатала Уинифред. – Показывай!

Дарлинг, пряча глаза, протянул ей сложенный втрое лист бумаги, сквозь которую просвечивали чернила.

– Я прочел сотни книг, но ни в одной из них не нашел слов, которые говорили бы о моих чувствах, – сказал он. – Мне пришлось написать о них самому.

Уинифред развернула замусоленный лист. Это было стихотворение, написанное вычурным, с завитушками почерком Теодора. Чистовик – ни единой пометки. Названия не было, но сбоку красовалась приписка «Уинифред». Она почувствовала, как перехватывает дыхание от накатившей нежности, и опустила глаза на первую строчку.

Луна, что видит день,
Тем краше ночью.
Ей Открыты тайны и подвластна тьма.
Так и твои прелестные черты!
В лице хотя б и сумрак, ты
Сиянием полна.

Чем заслужил и как могу
Смотреть в оконные картины?
Луна иль ты?

Я не усну.
Любуюсь ликом ослепительным
и милым
В нем вижу я прелестные черты
Богини наяву.

Упасть боюсь, парю насилу.
Ослепнуть – страх, но не смотреть,

на милость, как, скажи,
В глаза – полны огней?
И пусть на крылах ночи смерть,
Но даже звезды будут петь
Любви моей.

Стихотворение было слишком слащавым на ее вкус, но это совершенно не имело значения, ведь его написал Теодор, и написал для нее. Тронутая, Уинифред подняла от листка голову, чтобы поблагодарить его, и обнаружила, что он не отрывает от нее взгляд. Выражение его лица было странным – одновременно бесконечно взволнованным и бесконечно радостным.

Заглядевшись, она не сразу заметила, что Теодор держит в пальцах раскрытую коробочку из черного бархата. В ее углублении поблескивало синими камнями кольцо.

– Пожалуйста, выходи за меня, – просто сказал он.

У Уинифред закружилась голова, как если бы она резко поднялась с постели. Он сошел с ума? Или же это глупая шутка?

– Ты делаешь мне... предложение? Мне?

Слова застряли в горле, голос стал хриплым и жалким.

– Кому же еще! – рассмеялся Теодор. – Вообще-то ты любовь всей моей жизни.

Его черные глаза Уинифред в этот момент хотелось назвать лучистыми – так они сияли.

– Я знаю. Но... предложение?

Уинифред не могла отвести глаз от кольца. Пять камней в форме заостренных овалов были уложены в золоте маленьким веером, будто синий цветок лотоса.

– Я ведь... не из благородных. У меня нет семьи. Нет денег. Ничего нет.

Теодор продолжал держать коробочку обеими руками, словно уверился, что Уинифред откажет, если он хоть ненадолго опустит ее.

– Винни, неужели ты думаешь, мне есть до этого дело? – мягко спросил он.

– Но мисс Дарлинг наверняка будет против. И твоя бабушка...

– Матушка дала свое благословение в ту же ночь, когда вы познакомились. А бабуля Мисси – в день, когда мы приехали сюда. Их единственное условие – дождаться твоего совершеннолетия.

Теодор опустил руки на траву и смущенно улыбнулся, склонив голову. Уинифред заметила, как он тяжело сглотнул.

– Все это такие мелочи, Винни. Я сделал бы тебе предложение, даже если бы моя семья была против. Пожалуйста, только не говори, что эти расспросы – твой... деликатный способ отказать мне.

– Что за чушь! – вспыхнула Уинифред.

Она продолжала стискивать в пальцах листок со стихотворением, боясь выпустить его так же, как Дарлинг стискивал

коробочку с кольцом. Должно быть, со стороны они выглядят как двое мямлящих недоумков!

– Черт. Сейчас ведь странно будет ответить «да»? Спроси меня еще раз!

Теодор просиял и вновь приподнял коробочку. Его глаза блестели. Уинифред и сама видела нечетко из-за подступавших слез.

– Винни, я люблю тебя, – дрожащим голосом сказал он. – Иногда мне кажется, что я глупец, раз так сильно тебя люблю, но мне все равно, если это и так. Прошу тебя, окажи мне честь и стань моей женой.

Уинифред была так смущена, взволнована и *счастлива*, что ей хотелось только одного – молча протянуть Теодору руку, чтобы он надел на нее кольцо. И в то же время она понимала, что сам Теодор взбудоражен не меньше ее. Ему наверняка понадобилась огромная смелость, чтобы решиться на предложение, да еще и дважды, и будь она проклята, если не скажет то, что он хочет услышать!

– Да! Конечно же, я выйду за тебя, идиот! – выпалила она и ощутила жжение в глазах. В этот раз оно показалось Уинифред приятным.

Из его глаз брызнули слезы. Зажав себе рот, Уинифред отвернулась от Теодора и протянула ему левую руку. Ее переполнял такой восторг, что она боялась не сдержаться и закричать во весь голос.

Она станет невестой Теодора. Настоящей невестой. Рав-

ной ему во всем.

Дарлинг подхватил ее руку и бережно надел на средний палец кольцо. Оно с трудом прошло через место, где сустав широкий и шишковатый, но в итоге подошло идеально.

– Мне никогда и в голову не приходило, что ты сделаешь мне предложение, – призналась Уинифред. – Все-таки, это... очень неравный брак.

– Это меньшее, чего ты заслуживаешь, – возразил Теодор. Зажмурившись, он поцеловал ее пальцы. Казалось, даже дыхание давалось ему с трудом – так он был взволнован.

– Я очень счастлив.

– Я тоже, – тихо сказала Уинифред.

– Я все никак не решался, – со смущенной улыбкой добавил Дарлинг, по привычке почесав затылок. – Ты никогда не говорила о браке, и я думал, что... может быть, ты разделяешь взгляды Эви. Или решишь, что я слишком тороплюсь. Но матушка пригрозила, что ты найдешь себе партию получше, если буду затягивать с предложением.

Уинифред улыбнулась и подняла руку, глядя пальцем нагретый ободок кольца. Перед глазами у нее все плыло от восторга.

– Оно принадлежало мисс Дарлинг?

– Вообще-то это кольцо бабули Мисси. Маме, как ты понимаешь, из наследства ничего не досталось. Так что бабуля позволила мне выбрать что-нибудь из ее украшений. Я подумал, что сапфиры будут как нельзя кстати, правда? Символ

вечной любви.

Не в силах больше сдерживаться, Унифред вцепилась в лацканы сюртука Теодора и с жаром поцеловала его. Юноша от неожиданности потерял равновесие и упал на спину. Она рухнула сверху, прижимая его к земле. На мгновение оба застыли, ошеломленные внезапной близостью. Наконец Теодор поднял руки к плечам Унифред, собираясь приподнять ее, но она решительно завела их ему за голову. Кольцо коротко блеснуло на солнце.

– Не двигайся, – прошептала она и снова поцеловала Дарлинга – медленно, нежно. Она не умела писать стихи, не умела ценить чужие – свои чувства она могла показать лишь так.

Его грудь вздымалась от частого дыхания, Унифред ощущала это всем своим телом. Она чувствовала, как напряжены его руки, как сильно колотится сердце. Разорвав поцелуй, она увидела, как лихорадочно блестят его глаза. В его взгляде обожание мешалось с покорностью, и на мгновение Унифред показалось, что он позволит ей все что угодно.

Эта мысль ее оглушила. Она уставилась на Теодора: тонколицый, румяный, с бездонными черными глазами – красивый, словно ангел. И он был в ее власти.

– Я люблю тебя, – прошептала она.

Теодор подался вперед, и Унифред снова поцеловала его, чувствуя нарастающее покалывание в губах. Ее тело горело. Там, где их с Теодором руки соприкасались, она чувствовала самое настоящее жжение, будто кончики пальцев

отсекли острым горячим ножом. Уинифред проложила цепочку маленьких коротких поцелуев от его губ к шее, над самым воротником. Юноша застонал и выгнулся, а затем высвободил руки из ее хватки и дотронулся до ее пылающего лица. По спине Уинифред прокатилась томительная дрожь.

– Даже звезды будут петь любви моей, – еле слышно прошептал он, осторожно проводя пальцем по линии ее скулы, и Уинифред узнала последнюю строчку стихотворения, написанного для нее.

Возвращались домой они пешком – снова забираться на коня Уинифред наотрез отказалась. Теодор шел едва ли не вприпрыжку, да и Уинифред ощущала в теле такую восхитительную легкость, что ей казалось, она и сама сейчас подпрыгнет и взлетит. Время от времени она вскидывала руку, чтобы увидеть кольцо, и пускай грязные переломанные пальцы выглядели совсем не изящно, она не могла налюбоваться.

– Жду не дождусь услышать поздравления! – заявил Теодор, когда они вышли из конюшни, оставив там Барвинка. – В конце концов, я надел кольцо на палец самой прекрасной девушке на свете.

– Не торопи события, – буркнула Уинифред, – помолвка будет долгой.

Он рассмеялся.

– Зайдем в салон к бабуле Мисси? – предложил он. – Хотя она, наверное, прилегла подремать после обеда... Но зато скоро вернутся матушка и Лаура!

– Если так жаждешь поскорее услышать поздравления, можешь обойти прислугу.

– Точно, зайдем к Нив! И к Джейни на кухню. Жаль, Мэттью тоже уехал...

– Я пошутила, Тедди.

Теодор ухмыльнулся:

– А я нет. Хочу, чтобы Нив пригрозила тебе расправой, если вдруг станешь дурно со мной обращаться.

Уинифред презрительно сощурилась и заметила на дорожке у дома женскую фигуру. Кэтрин? Нет, не похожа.

– Там не Кэтрин стоит? – спросила Уинифред.

Присмотревшись, Теодор припустил вперед.

– Нив! – завопил он и замахал экономке рукой. – Нив, я помолвлен!

Едва поспевая за юношей, Уинифред приблизилась к женщине. Нив выглядела встревоженной: округлив прозрачные голубые глаза, она без конца вытирала руки о фартук.

– Нив, мы помолвлены! – гордо произнес Теодор, подхватывая Уинифред под локоть. – Винни, она, кажется, не совсем верит. Покажи ей кольцо!

– Поздравляю вас, мастер Теодор, мисс Бейл, – произнесла сбитая с толку женщина.

Ее ирландский акцент был сильнее обычного, некоторые слова Уинифред разобрала с трудом.

– В гостиной...

– Ты что-то хочешь сказать? – совершенно ее не слушая,

перебил Теодор. – Что такое, Нив?

– В гостиной вас ожидают. Вас и мисс Бейл.

– Кто? – насторожилась Унифред.

Экономка перевела взволнованный взгляд на нее.

– Она не представилась. Сказала, что она близкая подруга мистера Теодора.

Унифред и Дарлинг переглянулись, и юноша поспешно произнес:

– Клянусь, у меня никого нет, кроме тебя.

– Идиот, – фыркнула она. – Как будто у тебя может быть кто-то, кроме меня!

Они прошли в дом. Унифред с неудовольствием оглядела испачканную травой и землей амазонку. Времени переодеться не было, пришлось встречать гостью в таком виде.

Что это за «близкая подруга»? Насколько она знала, у Теодора нет подруг, помимо Лауры, Эвелин и пресловутой Эми. Но Эвелин сейчас готовится к свадьбе в Гэмпшире за много миль отсюда, Лауру Нив знает, а дочь приходского священника вряд ли стала бы представлять с такой патетикой.

Унифред приказала Теодору наклонить голову и стряхнула с его волос несколько приставших сухих травинок.

– Если это твоя тайная жена, я в жизни с тобой больше не заговорю, – предупредила она, надеясь успокоить себя улыбкой Дарлинга.

– Если это моя тайная жена, тебе придется вернуть кольцо, – тихо смеясь, ответил он.

Уинифред ахнула в притворном ужасе и прижала руку к груди.

– Ни за что!

Перешептываясь и торопливо приводя себя в порядок, они вошли в гостиную – большую комнату, в которой обыкновенно принимали с визитами – и застыли, едва увидев гостью.

С дивана поднялась Эвелин Саттон.

Когда Уинифред пыталась представить ее, помолвленную со Стелланом Акли, в голове всегда возникал один и тот же образ: осунувшееся, поблекшее лицо, темное платье, тусклые волосы, собранные в строгий шиньон. Но бледный призрак из ее воображения ничем не напоминал ту Эвелин, которую она увидела перед собой. Она была одета в ярко-красное шелковое платье с открытыми плечами и низкой линией декольте – такой наряд гораздо больше подошел бы для бала или суаре⁶, нежели для визита юной незамужней леди. Рыжие локоны были рассыпаны по обнаженным плечам в ее излюбленной девической манере, а на лице, хоть и хмуром, лежали все те же краски юности и легкий румянец, ореховые глаза по-прежнему блестели. Совсем не похоже было, что она убита горем. Неужели помолвка все-таки была расторгнута?

Рядом с Эвелин, разодетой в пух и прах, Уинифред в своей испачканной амазонке сильнее обыкновенного ощутила

⁶ Званный вечер.

досаду. Она украдкой отряхнула ладони, с ужасом заметив, что под ногтями темнеет земля.

Увидев друзей, Эвелин просияла и поспешила к ним, протягивая руки. На среднем пальце ее красивой, полной, *чистой* кисти Уинифред заметила помолвочное кольцо – серебряный ободок, обрамляющий небольшую грушевидную жемчужину. Если ее сапфиры являлись залогом вечной привязанности, то жемчуг Эвелин был символом слез невесты.

– Тедди! Уинифред! – ласково воскликнула девушка, подавая им руки.

Не зная, как следует приветствовать Эвелин, Уинифред коротко пожала ее ладонь и вдруг заметила рядом с помолвочным еще одно кольцо, на безымянном пальце – простую золотую полоску. Значит, они со Стелланом все-таки обвенчались.

– Эвелин, – буркнула Уинифред в приветствие.

– Эви! – умиленно произнес Теодор. Он оставил поцелуй на руке подруги и задержал ее в своей, с радостью глядя ей в лицо. – Как ты здесь очутилась? Я не видел твоего экипажа!

– Я п-приехала на почтовых лошадях, – как всегда, заикаясь, ответила Эвелин. – Надеялась в-вас здесь застать, но...

– Ты приехала одна? – недоверчиво уточнила Уинифред. – На перекладных? Но от Гэмпшира до Хэзервуда по меньшей мере сутки пути!

– Я останавливалась в Лондоне. И путешествовала п-практически налегке.

– И все-таки... одна? – поразился Дарлинг.

Видимо, он не обратил внимания на кольца подруги.

Эвелин помрачнела.

– П-поэтому я и приехала. Стеллан пропал.

Затаив дыхание, Уинифред взглянула на Дарлинга. В мгновение ока его лицо окаменело, уголки рта озадаченно опустились, но он ничего не сказал. Предательство Стеллана ударило по нему гораздо сильнее, чем он показывал. Как Эвелин вообще посмела приехать в его дом с такими словами?

– И что? – резко сказала Уинифред. – Какое нам до этого дело? Подбери его в ближайшем кабаке по дороге домой.

– Винни... – пробормотал побледневший Дарлинг. – Не нужно.

Краска поднялась по шее Эвелин, но лицо оставалось спокойным. Она уставилась на Уинифред, не моргая – похоже, изо все сил пыталась сдержать слезы.

– Нет, Уинифред п-права.

Ссутулившись, она опустилась на диван. Теодор, сев напротив, потянул Уинифред за собой.

– Он и раньше п-пропадал, но я хотя бы п-получала от него письма. А сейчас – ничего. Уже около т-трех недель. Он п-правда исчез.

– Напиши его родителям. Они ведь живут в Лондоне, – пожалала плечами Уинифред. – Повторюсь: какое нам до этого дело? Какое тебе дело?

Чем дольше Теодор подавленно молчал, тем сильнее в ней разгоралась злость.

Эвелин отвернулась и коротко провела ладонью под глазом. Кончик ее кукольного носа покраснел.

– Они тоже не отвечают на мои письма. К т-тому же... это ведь Стеллан.

Она беспомощно пожала плечами, будто удивляясь собственной глупости, и Дарлинг едва слышно выдохнул.

– Я думала, ты его ненавидишь, – заметила Унифред.

– А ты что, желаешь смерти всем, к-кого ненавидишь? – сощурилась Эвелин.

– Разумеется.

– Мне страшно было бы стать т-твоим врагом. Но я приехала к вам не п-поэтому. – Бросив пристыженный взгляд на поникшего Теодора, она вновь посмотрела на Унифред. – Я знаю, он нас п-предал. У вас нет п-причин приходить ему на п-помощь, а у меня нет права о ней просить. Но если д-допустить мысль, что это не б-безумное турне по столичным п-пабам и притонам... вы представляете, *что* с ним могло п-произойти?

Ладони Унифред взмокли. Изображая безразличие, она сложила руки на груди и откинулась на спинку дивана.

Она намекает на то, что Стеллана постигло его прошлое?

В Лондоне наверняка остались люди, заинтересованные в том, чтобы растащить по кускам владения покойного мистера Уоррена. Стеллан им без надобности, но вот слухи о Дар-

линге к ним наверняка уже просочились, несмотря на все угрозы Уинифред. Теодор мог им помешать, и, что еще важнее, они могли им воспользоваться. И, как показывает опыт, Стеллан без особой охоты хранит секреты.

– И почему мы должны допустить эту мысль? – спокойно спросила Уинифред. – Конечно, я знакома с ним поменьше твоего, но не вижу в этом ничего особенного. Просто кутеж.

– Он п-перестал мне писать, я же сказала! – сердито повторила Эвелин. – Когда Стеллан раньше уезжал в Лондон, он п-писал мне каждый д-день.

– О чем он писал?

– П-понятия не имею, – отрезала она. – Все его п-письма я сразу же сжигала. И п-последнее-то уцелело чудом – потерялось на п-почте.

– И что там было?

– Похоже, он остановился в к-клубе, а не у родителей. И у него снова закончились д-деньги. Так что кутить ему б-было бы попросту не на что, если, конечно, ему не крупно п-повезло в карты.

– «Снова закончились»? – поразилась Уинифред. – Почему, черт возьми, ты позволяешь ему растрачивать собственные деньги?

Став еще угрюмее, Эвелин принялась тревожно крутить на пальцах свои кольца.

– Как б-будто бы меня кто-то спрашивает! – огрызнулась она. – П-полагаешь, женщина в браке имеет право хоть на

что-то? Да он может хоть д-дом заложить – я и слова не смогу сказать п-поперек!

Теодор тихо переспросил:

– В браке?

Эвелин сухо улыбнулась и приподняла левую ладонь.

– Мы обвенчались еще в июле. На этом в-все – ни намека на супружескую жизнь. Мы п-просто живем вместе в поместье моих родителей, в-вместе трапезничаем, вместе принимаем гостей. Я не разговариваю с ним. Может, это и жестоко, но в сложившихся обстоятельствах я имею п-право быть жестокой. Я не стала его удерживать, когда он впервые с-сказал, что на недельку заглянет в Лондон.

В тот день, когда Стеллан их предал, он рассказал Уинифред о помолвке с той же мрачной бравадой и с той же горечью, и его лицо столь же мало выражало безоговорочное счастье близкой женитьбы.

– Поздравляю, миссис Акли, – едко сказала Уинифред.

Эвелин смерила ее яростным взглядом.

Теодор поднялся с дивана. Уинифред с тревогой отметила, что у него дрожат ноги.

– Тедди?

– Я пойду...

Он сглотнул и посмотрел сквозь Уинифред. Ее пробрало от того, каким пустым был его взгляд.

– Что? А. Я пойду... заварю нам чай.

Он торопливо ушел, и грудь Уинифред сдавило от жало-

сти. Юноша из всех сил пытался сдержать слезы. Одно то, что он воспользовался уловкой, чтобы улизнуть и привести свои чувства в порядок, говорило о многом. Где та улыбка, которую он носил каких-то десять минут назад? Где ее беззаботный, дурашливый, счастливый жених?

Стоило ему скрыться, Уинифред набросилась на Эвелин:

– Что ты натворила? Зачем ты наговорила ему всей этой чуши о Стеллане? Ты хоть представляешь себе, как больно ему вспоминать о нем? Знаешь, как он винит себя в твоём чертовом замужестве?

Эвелин чуть побледнела, но продолжала решительно глядеть на Уинифред. Пальцы ее вновь принялись крутить ободки колец.

– П-послушай, мне самой очень стыдно, – созналась она. – Я даже не могла найти в себе силы отвечать на его п-письма. Но т-ты ведь прекрасно понимаешь, что проблема б-больше твоей или моей неприязни к Стеллану! Если его п-правда похитили...

– Или убили, – услужливо подсказала Уинифред.

Лицо Эвелин вытянулось.

– Или убили, – согласилась она. – Это ведь б-будет означать, что кто-то из вас двоих может оказаться следующим.

Уинифред с изумлением признала, что Эвелин права. Сама она совсем забыла о том, что у людей Уоррена столько же причин преследовать ее и Теодора, сколько и Стеллана. Наверное, некоторые видят в ней преемницу мистера Уоррена

– а значит, угрозу. Избавиться от Уинифред и Дарлинга – означает проложить себе быстрый путь к вершине.

Но как бы Эвелин ни ценила Теодора, Уинифред чувствовала: здесь скрывается что-то еще. Эвелин, которая всей душой ненавидит своего супруга, так рьяно рвется ему помочь? Необходимо вытащить из нее что-нибудь еще, если не признание, то хоть намек на него.

– И что? – равнодушно возразила Уинифред. – Снова заляжем на дно. Нам удавалось неплохо скрываться в Брайтоне.

– П-правда? – съязвила Эвелин. – Если ты считаешь, что ежедневная рассылка к-корреспонденции – недостаточно очевидные сигналы о местоположении, то, п-пожалуй, ты права. Хотя эффективнее б-было бы только забраться на маяк.

Они сердито уставились друг на друга.

– Велю ему какое-то время не писать матери, – парировала Уинифред. – И уж точно не писать тебе.

– Так и б-будешь прятаться всю жизнь? И Т-теодора зароешь в свою нору? Не лучше ли выяснить, что п-происходит, и разобраться с этим раз и навсегда?

На миг сердце Уинифред сладко защемило – Эвелин знала, на что следует надавить. Поиски Стеллана могли послужить великолепным предлогом для того, чтобы вернуться в Лондон.

– У меня есть один вопрос, – помедлив, произнесла Уи-

нифред. – Скажи, почему ты так рвешься помочь Стеллану? Тебе представился замечательный шанс овдоветь, а ты от него отказываешься?

– Я... – начала Эвелин.

Но тут же осеклась и повела плечами, как будто от холода, а на лице ее появилось загнутое выражение – своим вопросом Уинифред застала ее врасплох.

– О чем ты?

– Почему? Почему он все еще дорог тебе? – тихо спросила Уинифред.

Эвелин бессильно прикрыла глаза.

– Я его ненавижу, – прошептала она. – Но... я не могу его оставить. Я перед ним в неоплатном долгу.

– В каком долгу, Эвелин?

– Это не...

– А вот и чай, – послышался голос Дарлинга из коридора, и Эвелин закрыла рот.

Значит, у нее и правда есть какая-то причина защищать Стеллана. Неудивительно – они ведь знакомы с самого детства. Но что это за причина такая, ради которой она поставила крест на собственной жизни?

Теодор поставил поднос на стол и подал Эвелин чашку. Она взяла ее и задержала в руках, не решаясь ни отпить, ни отставить ее. Уинифред отказалась от чая, ее уже начало подташнивать от одного только его запаха.

Она уставилась на Эвелин в упор и без обиняков заявила:

– Хорошо. Мы найдем его.

Эвелин округлила глаза, но не успела ничего сказать – Теодор с оглушительным дребезгом опустил блюдо обратно на серебряный поднос. Руки его дрожали.

– Нет, – твердо возразил он. – Мы никуда не поедем. И тебя я не пущу, Эви.

Уинифред замолчала, внимательно наблюдая за Дарлингом. Он скривил лицо в гримасе ненависти, совершенно чуждой ему и портившей его лицо, как капля чернил портит чистый лист. Но в густо-черных глазах плескалось болезненное, мучительное выражение.

– Но... п-почему? – выдавила растерянная Эвелин.

– После того, что он сделал с тобой и Уинифред... не думаешь ли ты, что с моей стороны будет неправильно помогать ему? – тихо спросил Теодор, сжимая руки в кулаки.

Уинифред нежно накрыла его ладонь своей. Блеснули на солнце камни. Взгляд Эвелин метнулся к их соединенным рукам.

– Вы обручены? – взвизгнула она, на мгновение забыв и про Стеллана, и про возникшую между ней и Теодором размолвку. Она потянулась вперед, схватила ладонь Уинифред и принялась разглядывать ее помолвочное кольцо. – О, я так рада за вас! П-поздравляю!

– Благодарю, – сдержанно ответила Уинифред.

Ее приятно удивило то, что Эвелин не произнесла ни слова о ее ужасных пальцах. Но что важнее – лицо Дарлинга то-

же немного прояснилось.

– Спасибо, Эви, – поблагодарил он и переглянулся с Уинифред. – Это один из счастливейших дней в моей жизни.

– П-простите, что нагрязнула... в такой д-день. Я не знала. – Эвелин села обратно в кресло и сложила руки на коленях. – Но от своей п-просьбы я не откажусь. Пожалуйста, помогите мне разыскать Стеллана, пока кто-нибудь вместо этого не разыскал в-вас.

Теодор беспомощно поглядел на Уинифред.

– Я не хочу его искать, – прошептал он.

Дарлинг лгал и сам понимал, что лжет. В отличие от Уинифред он разочаровался в мести. Это он должен сейчас уговаривать ее прийти на помощь Стеллану, а не наоборот. Но в его сердце боролись любовь и ненависть к бывшему другу, и только от Уинифред зависело, что именно одержит вверх.

Попытавшись забыть, что Эвелин сидит рядом, Уинифред повернулась к Теодору всем телом и взяла его руки в свои.

– Я верю, что ты разбираешься в людях лучше, чем кто-либо другой, – мягко сказала она. – И если ты считаешь, что в нем осталось хоть что-то, достойное спасения...

– В каждом есть что-то, достойное спасения. Не в этом дело. Я его...

– Ты его не ненавидишь, как бы ни убеждал себя в этом. Он не твой бабка и дед. И не мистер Уоррен.

Теодор вздрогнул, Уинифред почувствовала, как произвольно согнулись его пальцы. В нем так редко поселялась

злоба, что он даже не знал, какое ей дать название.

– А ты... ты его ненавидишь?

Ненавидеть Стеллана было сложно – как и любого, кто несчастнее тебя самого.

– Нет, Тедди. Я его презираю.

– Мне кажется, я тоже его презираю, – отозвался Дарлинг и в растерянности умолк.

– Так вы... п-поможете мне? – нерешительно спросила Эвелин.

Немногим ранее, когда они только встретились, Эвелин показала Унифред храброй и стойкой. Своим вызывающим нарядом и исполненными уверенности манерами она бросала вызов всем на свете. Но сейчас откровенное вечернее платье смотрелось на ней, словно нелепый, неуместный карнавальный костюм, а сама Эвелин выглядела испуганной и очень, очень юной.

Унифред переплела свои пальцы с пальцами Теодора. Принять решение предстояло ему.

– Я знаю, что ради меня ты вышла за него замуж, – медленно произнес юноша. – И никогда не смогу тебе за это отплатить.

– Н-нет, не смей! – с жаром возразила Эвелин, сжимая кулаки. – Ты не в д-долгу передо мной и никогда не б-был. Это я купилась на ложь Стеллана, хотя знала, что он т-трус. Это я... оказалась недостаточно храброй, чтобы п-пойти против семьи.

– Эви, ты правда ненавидишь его? – спросил Теодор.

Ее глаза блеснули, а потом на красный шелк платья капнула слеза и расплылась по линии нити длинным темным пятном. Она ничего не сказала, лишь покачала головой.

– Мы ему поможем, – твердо произнес Теодор. – Мы найдем его, и он никогда больше не потревожит тебя.

Уинифред ощутила, как по всему телу проходит волна неприятного жара от предчувствия неизвестности. Она поняла, что Дарлинг на самом деле хотел сказать, что никогда больше не потревожит ее совесть.

Глава 5

Клубы и попытки шантажа

Накрапывал дождь. Подставив козырьком ладонь, Уинифред выглянула из-под навеса крыльца и протянула Мэттью перевязанную бечевкой коробку.

– Последняя.

Кучер поглядел на нее с сочувствием. Уинифред пришлось ограничиться малым количеством вещей: одно дневное платье, одно вечернее, одна шляпка, одна пара туфель. Она чувствовала себя разоруженной. К тому же скудный багаж подразумевал, что их поездка – временная, вынужденная мера. Но как бы Уинифред ни нравился Хэзервуд-хаус, ей хотелось бы задержаться в Лондоне.

– Хорошо, мисс Бейл. Прикажете запрягать лошадей?

– Подождите, – кисло ответила Уинифред. – Теодор все никак не закончит миловаться со своей матерью.

От воды, стекавшей по скошенной крыше крыльца, ее рукав совсем намок, и она поспешно отступила. На ней было самое новое из ее летних платьев – хлопковое, темно-зеленое, с атласными вставками на корсаже. Больше всего сейчас Уинифред опасалась не за жизнь Стеллана, не за свою собственную, а за то, что в городе выяснится, что ее туалет успел безнадежно выйти из моды.

Дарлинг выглянул из проема, укоризненно качая головой.

– Бесстыдница! Сама-то полчаса назад лепетала, что будешь писать ей чуть ли не каждый день!

– Замолкни, Теодор!

Рассмеявшись, юноша нырнул обратно в дом, и Уинифред осталась на пороге одна. Она наблюдала, как Мэттью – немолодой, приятной наружности мужчина с добрым и рассеянным лицом (Уинифред уже давно убедилась, что такое блаженное выражение имеет вся поголовно прислуга Дарлингов) – грузит в карету их скудный багаж. От дождевых капель, мелких, как морские брызги, запотели стекла и потемнела крыша кареты. Затолкав шляпную коробку Уинифред, Мэттью присел на козлы и раскрыл потрепанную черную книгу, ладонью прикрывая страницы от дождя.

Из дома выплыла Эвелин. Со времени их разговора, в котором она заручилась поддержкой Уинифред и Дарлинга, уверенности у нее прибавилось: снова *она* носила роскошное платье, а не платье – ее. В красном Эвелин напоминала цветок розы – яркие бархатные лепестки на колючем стебле. Встав рядом с Уинифред, она принялась натягивать длинные черные перчатки с рядом крошечных пуговиц. Ее волосы были заколоты у висков двумя бриллиантовыми гребнями.

– Ты похожа на актрису, – сказала ей Уинифред.

Эвелин улыбнулась краешком рта.

– Зависть т-тебя не красит. Впрочем... нет. Если кого-нибудь она и красит, т-то одну лишь тебя.

Либо это был искусно заточенный комплимент, либо тонко завуалированная колкость – в любом случае, Уинифред предпочла пропустить ее ремарку мимо ушей.

– Честно говоря, тебе удастся меня удивлять.

Эвелин поглядела на нее с изумлением: она тоже не совсем поняла, как стоит расценивать слова Уинифред.

– Тебя вынудили выйти замуж за ненавистного тебе человека, но ты не играешь роль покорной супруги. Стеллан пропал, а тебе хватает отваги протянуть ему руку помощи. – Уинифред осознала, что ее рассуждения слишком уж напоминают дружеское одобрение, и добавила: – Что это, если не глупость?

Каждый их с Эвелин диалог проходил, как поединок на деревянных мечах – с намерением побольнее уколоть, а не серьезно ранить. Но Эвелин, к досаде Уинифред, каждый раз напоминала ей о своей рассудительности и первой бросала оружие.

– Это не глупость. – Эвелин уставилась в серое небо, обнимая обнаженные плечи. – Не б-блажь и не к-костюм. Раз я теперь замужняя женщина, настоящей глупостью было бы не воспользоваться преимуществами моего п-положения.

– Какими же? – скептически поинтересовалась Уинифред. – Поездками без сопровождения? Откровенными нарядами?

К ее удивлению, Эвелин кивнула. Блеснули камни в ее волосах.

– Именно т-так. Удивительно, что женщина до замужества п-почитается за живую куклу, п-правда? Любая трещина, любой скол п-порочит честь. Но теперь? Отец оставил меня в п-покое. Я могу отправиться, к-куда пожелаю, и мне не нужно ничье сопровождение. Я могу надеть любое п-платье, не боясь себя скомпрометировать. – Она зло, с прищуром улыбнулась и подставила ладонь в перчатке под струю воды, стекающую с крыши. – Этого я, к-кажется, и хотела. Но не так. Не п-потому, что после свадьбы я перестала п-представлять хоть какую-то ценность.

В Эвелин появилась новая резкость, которой раньше Уинифред не замечала. Принужденная к браку с нелюбимым человеком, она не растеряла ни капли уверенности в необходимости сражаться за себя, и сражаться еще отчаяннее, чем раньше. Эвелин знала, что ее значимость не может умалить ни платье, которое она надевает, ни фамилия, которую она носит.

– Красный тебе к лицу, – заметила Уинифред.

– Спасибо. Еще раз извини, что испортила ваш с Т-теодором праздник.

Уинифред пожала плечами.

– Пустяки. Мне никакого торжества и не нужно было. Хорошо, что не пришлось обходить всю прислугу, тыча им в лицо кольцом.

Эвелин рассмеялась и опустила руку. С кончиков пальцев на шелк закапала вода.

– Ты счастливица, – спокойно, без тени зависти или горечи произнесла она. – И я тоже однажды б-буду счастливой.

На пороге, держа в руках саквояж, появилась Лаура. Она наотрез отказалась оставаться в Хэзервуд-хаусе и даже заявила Унифред, что сбежит и доберется до Лондона своим ходом, если потребуется. Ей тоже пришлось оставить большую часть своих вещей в Хэзервуде, в том числе все рисунки и картины.

– Мэттью! – звонко позвала Лаура с порога, опасаясь выходить под дождь. – Мисс Дарлинг сказала, что пора запрягать.

– Уже? – поразилась Эвелин и, подобрав юбки, бросилась в дом. – М-мои вещи еще в комнате!

Когда весь багаж был погружен в карету, а лошади запряжены, пришло время прощаний. Теодор долго о чем-то разговаривал со своей матерью, держась за руки, они стояли друг напротив друга. Он склонил голову, внимательно выслушивая Кэтрин.

Унифред краем глаза следила за ними, пока не услышала за спиной глухой перестук. Похолодев, она сделала вид, что возится с застежкой перчаток, когда Мелисса Дарлинг проскрипела у нее за спиной:

– Вы выбрали для поездки очень непрактичное платье, мисс Лун. То, что в сентябре на дорогах не так уж грязно, еще не значит, что вам непременно нужно наряжаться.

Почти предвкушая предстоящую пикировку, Унифред

обернулась. Бабуля Мисси стояла, опершись на трость с серебряным набалдашником обеими руками – крошечными, коричневыми и сухими. Мысленно Уинифред пообещала себе никогда не экономить на кремах и лосьонах.

– Благодарю вас за беспокойство, но я мисс Бейл, – любезно возразила она. – В последнее время память вас часто подводит. Возможно, вам стоит сделать где-нибудь пометку?

Глаза старухи зажглись. Возможно, Уинифред и побоялась бы так откровенно дерзить ей, если бы Теодор не уверил ее, что Мелисса обожает препираться. Более того, сейчас Уинифред носит кольцо, когда-то ей принадлежавшее. Чем не дозволение?

– Я просто повешу вам на шею колокольчик, – заявила старуха.

Уинифред вежливо улыбнулась.

– Думаю, это бесполезно, мэм. Ваш слух также оставляет желать лучшего.

Дряблые щеки Мелиссы затряслись от беззвучного смеха. Концом трости она указала за спину Уинифред, туда, где стоял Дарлинг.

– Присматривай за ним как следует, – приказала она и вдруг, быстро моргнув сухими «бумажными» веками, добавила: – И за собой.

Не дожидаясь ответа, старуха побрела прочь. Уинифред тронула острые кромки кольца, скрытого под перчаткой.

– Да, мэм, – тихо ответила она.

Что-то прошептав напоследок, Кэтрин коснулась щеки сына и грустно улыбнулась. Теодор обнял ее, а когда поднял голову, в его глазах заблестели слезы. Они оба, словно по команде, обернулись к Уинифред, и мисс Дарлинг жестом по-манила ее к себе.

– Тетя Мисси попросила тебе передать, – сказала Кэтрин и протянула ей платок.

Недоумевая, Уинифред развернула его и вдруг узнала узор – васильки на кайме. Это был тот самый платок, который Мелисса вышивала в салоне во время их первой и единственной беседы наедине.

Уинифред оглянулась на старушку через плечо. Та что-то сердито втолковывала улыбающемуся Теодору. Челюсть ее мелко дрожала. Встретившись взглядом с Уинифред, она нахмурилась и отвернулась.

Бабуля Мисси вся была как ссохшийся, свернувшийся в трубочку осенний лист, чудом удержавшийся на голой ветке. От старости у нее тряслись руки, но цветы на вышивке были безукоризненно ровными и аккуратными, ни единого лишнего стежка или прокола.

– Пожалуйста, передайте ей мои благодарности, – хриплым от смущения голосом произнесла Уинифред, осторожно свернула платок и положила его в ридикюль.

– Прощу тебя, не считай ее грубой за то, что она не подарила его сама. Видишь ли, Мелисса...

– Я знаю, мисс Дарлинг. Я ведь сама такая же. И я очень...

тронута ее заботой.

Вечно печальное лицо Кэтрин смягчилось улыбкой.

– Спасибо тебе, Винни. Мы очень рады, что ты станешь частью нашей семьи.

– Я... тоже, мэм, – растерянно отозвалась Уинифред.

Она так долго не могла поверить в одну лишь возможность того, что Теодор сделает ее своей невестой, что слова благословения от его матери казались ей тщательно продуманной шуткой. Этой ночью она проснулась от кошмара и первым делом проверила, на месте ли кольцо. *Это ведь был не сон?*

Заметив волнение Уинифред, Кэтрин сменила тон на наставительный:

– Обязательно пиши мне, как и обещала. И будь осторожнее, хорошо? Не ищи неприятностей.

– Да, мэм, – послушно согласилась Уинифред и едва не улыбнулась – неприятности обычно находят ее сами.

Кэтрин моргнула, скривила губы и вдруг, обхватив лицо Уинифред ладонями, привстала на носки и поцеловала ее в лоб.

– Береги себя, милая, – тихо произнесла она и, прежде чем ошеломленная Уинифред успела хоть что-то понять, зашагала в дом.

Лоб горел, и она все еще чувствовала прикосновение нежных ладоней Кэтрин к своим щекам. Уинифред подняла руку к лицу, чтобы дотронуться до места, куда ее поцеловала

мисс Дарлинг, но вместо этого быстро смахнула выступившие слезы и кашлянула.

Хлынул дождь, и прощания быстро закончились. Мелисса, шаркая и стуча тростью, скрылась в доме следом за Кэтрин. Та вполоборота сидела у окна и бездумно глядела куда-то сквозь них. Неосвященный темный дом за ее спиной напоминал фон портрета.

Как только экипаж тронулся, шурша гравийной крошкой, Уинифред заметила:

– Не хотела говорить об этом при мисс Дарлинг, но у меня есть чувство, что мы задержимся в Лондоне.

Лаура согласно кивнула.

– Мне тоже так кажется. Как вы думаете, это может оказаться ловушкой?

Презрительно скривив губы, Эвелин отрезала:

– Не может б-быть. Это значило бы подвергнуть себя риску, а рисковать Стеллан привык лишь за карточным столом.

– Думаю, Лаура имеет в виду не его, – поправил ее Теодор. – Вероятно, кто-то решил похитить его, чтобы выманить нас с Винни.

– Сомневаюсь. С чего им думать, что мы решим прийти ему на помощь? – возразила Уинифред. – Они знают, что Стеллан предал нас и примкнул к Уоррену. Скорее всего, его взяли только потому, что за другую ниточку уцепиться не удалось, и сейчас он уже мертв. Или методично скармливает похитителям все, что ему о нас известно, – добавила она,

заметив, как исказилось лицо Эвелин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.